

АЛЕКСАНДРА
ШЕРВИНСКАЯ

ТЫКВЕННЫЙ ПИРОГ

МИСС МЭГГИ СТЮАРТ

Мисс Мэгги Стюарт

Александра Шервинская

**Тыквенный пирог
мисс Мэгги Стюарт**

«Автор»

2026

Шервинская А.

Тыквенный пирог мисс Мэгги Стюарт / А. Шервинская —
«Автор», 2026 — (Мисс Мэгги Стюарт)

Жизнь в небольшом английском городке Блайзбери течёт размеренно и спокойно, но только до поры до времени. Ведь приближается октябрь — время традиционной осенней ярмарки. После карнавала я мечтала о тихом и спокойном существовании, но мои планы нарушает цепочка загадочных событий. Странные записки, попытки взлома и, как закономерный результат, — очередной подброшенный труп. А ведь ещё предстоит поездка в Борнмут, где я должна познакомиться с родителями моего жениха, владельца торговой сети "Маунтин", загадочного и непонятного Алекса Гилмера. Вместе с женихом и друзьями — помощником констебля Джастином Холмсом и местным репортёром Саймоном Миллзом — мне придётся вновь окунуться в водоворот интриг, расследований и опасных приключений. Добро пожаловать в Блайзбери, где уют и спокойствие соседствуют с тайнами, а каждый новый день обещает новые загадки и открытия! Внимание! Третья книга в серии (запланировано 5 книг) Выкладка глав по мере написания, но не реже раза в неделю.

© Шервинская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александра Шервинская

Тыквенный пирог мисс Мэгги Стюарт

Глава 1

«- Вы предпочитаете драке домашний уют?»

Уж не постарели ли вы, милый Портос?

- Нет, я просто поумнел...»

© «Д'Артаньян и три мушкетёра»

Август в Блайзбери — совершенно потрясающее время, и я наслаждалась каждым днём, каждым часом. Вообще надо признаться, что я всё больше и больше влюблялась в этот город, в его атмосферу, в его скромную красоту и невероятное обаяние. Москва с её суетой и проблемами прошлой жизни постепенно превратилась в тень, морок, давний-давний сон, от которого осталось только зыбкое воспоминание, не более того. Я полностью, всем своим существом, приняла жизнь Мэгги Стюарт со всеми проблемами, неоднозначными родственниками, друзьями и врагами.

Теперь я окончательно поняла, почему Мэгги так сильно любила Блайзбери и считала, что это наверняка одно из лучших мест на всём белом свете. Каждое утро, выходя из дома, я чувствовала, как теплый ветерок гладит мое лицо, а солнечные лучи словно обнимают меня, приглашая навстречу новому дню. Я полюбила эти узенькие улочки, пахнущие свежим хлебом булочные, приветливых соседей, готовых поделиться самой свежей сплетней или саженцами нового сорта роз. Впервые я почувствовала себя дома.

Ушло присутствовавшее поначалу деление на «мою жизнь» и «её жизнь»: теперь она была у меня одна, и я была по-настоящему счастлива. Все воспоминания и мысли Мэгги полностью стали моими, и я была искренне благодарна этой славной, но чересчур мягкой и доверчивой девочке за выпавший мне второй шанс. А что касается событий разной степени опасности и непредсказуемости: «не виноватая я, они сами пришли»...

После литературного карнавала, который стал, не побоюсь этого слова, событием года, прошло уже достаточно много времени, аж целый месяц. Страсти улеглись, газеты завершили серии публикаций, посвящённых как самому карнавалу, так и его героям-победителям и организаторам, жители соседних городов перестали завидовать, пообещав придумать что-нибудь не менее впечатляющее, а я наконец-то выдохнула. Работала в библиотеке в штатном режиме, даже выходные проводила, как все нормальные обыватели: занималась палисадником, читала, встречалась с друзьями и старательно делала вид, что даже не вспоминаю о секретном швейцарском счёте и карте, спрятанной в ячейке на вокзале Кинг-Кросс.

Неспешно прополз остаток августа, как ни странно, не ознаменовавшийся никакими внезапными событиями, и наступил сентябрь. Блайзбери был великолепен! Мне казалось, что я ещё никогда не видела ничего более прекрасного.

Это словно был последний вздох тёплого лета, наполненный светом, спокойствием и умиротворённой красотой. Город утопал в мягких лучах солнца, которое ласково согревало узкие улочки, выложенные булыжником, и крыши домов, покрытых черепицей, потемневшей от времени.

Каждое утро начиналось с лёгких туманов, стелющихся над зелёными лужайками и аккуратно подстриженными газонами. Солнце медленно поднималось над горизонтом, окрашивая небо в нежно-розовые тона, а воздух наполнялся изумительными ароматами только что сваренного кофе, горячего хлеба, сочной зелени и роз, пышно цветущих в каждом палисад-

нике. Однако то и дело то там, то тут вспыхивал золотой или оранжевый лист, напоминая, что пришла пусть тёплая и солнечная, но всё-таки осень.

Вечером, когда солнце склонялось к закату, небо становилось золотым и розовато-лиловым. Тепло дня сменялось приятной прохладой, и горожане собирались в маленьких кафе и пабах, наслаждаясь чашечкой горячего шоколада или кружкой эля, слушая негромкую музыку и обмениваясь новостями. Больше всего разговоров, конечно же, было о предстоящей традиционной осенней ярмарке.

Казалось, что лето продлится вечно, и я могла бы жить в этом блаженном состоянии бесконечно. Но глубоко внутри я чувствовала: покой обманчив. Я давно научилась доверять интуиции, и она настойчиво твердила: сентябрь принесет перемены. Большие перемены. Может быть, даже глобальные. И ведь никуда от них не денешься!

—... такой и говорит, мол, выручай, Саймон, потому как никто кроме тебя, мистер Миллз, с таким серьёзным заданием не справится!

С этими словами звезда местной журналистики взмахнул рукой и чуть не угодил себе же в глаз чайной ложечкой, после чего продолжил, предусмотрительно пристроив опасный предмет на блюде.

— Ну я, естественно, согласился, правда, поставил несколько условий, но мистер Рейклинг даже спорить не стал, представляешь?

— Может быть, он просто израсходовал свой лимит слов на эту неделю, произнеся столь длинное предложение? — высказала я свою версию, вспомнив, с каким трудом главный редактор «Новостей Блайзбери» выдавливал из себя предложения длиннее трёх слов, предпочитая обходиться одним. — Ну или ты слегка приукрасил его фразу.

Саймон осуждающе посмотрел на меня поверх очков, словно я у него конфету отобрала, причём последнюю.

— Ну вот что ты за человек, Маргарет Стюарт, а? — обиженно сказал он, с сожалением глядя на пустую тарелку из-под сконов. — Нет чтобы просто порадоваться за лучшего друга, так ты начинаешь искать какие-то нестыковки.

— Полагаю, мистер Рейклинг ткнул пальцем в объявление про ярмарку и спросил: «Возьмёшься?», и на этом ваша беседа закончилась, — предложила я свой вариант, ничуть не обижевшись на ворчание Саймона.

— Вредная ты, Мэгги! — Саймон демонстративно вздохнул и с упрёком взглянул на меня. — Вот смотри, будешь ворчать, тебя никто замуж не возьмёт, даже Генри Синклер. А Гилмер-то точно! И не надо с таким воодушевлением на меня смотреть: все девушки хотят замуж, это аксиома, запомни.

— Не все, — убеждённо возразила я, — это какое-то странное заблуждение, придуманное мужчинами, чтобы потешить собственное самолюбие. Я ничего не имею против брака, я даже на помолвку согласилась, сам знаешь, но вот чтобы все поголовно хотели замуж — это ты зря.

— Ладно, если совсем никто не захочет, так и быть, я тебя выручу и сам на тебе женюсь, — сообщил Саймон, не обращая внимания на мои возражения, но на всякий случай отодвигаясь от меня вместе с плетёным креслом.

— Спасибо, но не стоит, — фыркнула я, — женись лучше на Салли, тем более что вы очень хорошо подходите друг другу. Ты ведь собирался сделать ей предложение, разве нет?

— Посмотрим, — тут же поскущнел Саймон, — но если ты поможешь мне и намекнёшь Салли, что длительная помолвка — это прекрасно, увлекательно и так далее, то я расскажу тебе самую свежую сплетню. Хочешь?

— Допустим, — осторожно согласилась я, прекрасно понимая, что сплетни — дело такое, иногда лучше и не знать, крепче спать будешь.

— Представляешь, Мэгги, я случайно услышал, как мисс Патридж и миссис Доршер обсуждали кандидатуру председателя комитета по подготовке ярмарки. И знаешь, кого они называют главным кандидатом?

— Прежде чем ты назовёшь имя, которое я совершенно точно не хочу слышать, скажи-ка мне, где это ты «случайно» мог подслушать разговор этих чудесных женщин?

— Это моя работа, — задрал нос мистер Миллз, — быть в курсе всех новостей, даже тех, что пока ещё не совсем новости, а так сказать, личинки новостей.

— Фу, как ужасно звучит, — поморщилась я, причём совершенно искренне: ну вот не любила я всякую такую живность типа червяков, гусениц и прочих ползающих.

— Тем не менее, это так, — Саймон азартно сверкнул очками, — они обсуждали ярмарку и говорили о том, что в этом году Блайзбери превратился просто в общегосударственный центр культуры.

— А что не мировой? — фыркнула я. — Скромность — это, судя по всему, не наш метод.

— Так вот, — не обращая на мои язвительные комментарии ни малейшего внимания, продолжил Саймон, — говорят, в этом году пригласили каких-то артистов аж из самого Лондона!

— Интересно, что забыли столичные артисты в нашей провинции?

На этот раз моё удивление не было наигранным, я действительно не понимала, что артисту, привыкшему к лондонской сцене, делать в Блайзбери. Ладно бы ещё в Хоуптоне, хотя тоже сомнительное удовольствие, если честно. Публика, конечно, в провинции благодарная, но условия, мягко говоря, оставляют желать лучшего. Где они собираются выступать у нас? На самодельной сцене? Вот даже не смешно...

— Ты действительно не догадываешься?

— О чём?

— Кто пригласил их, чтобы кое-кого порадовать, не будем показывать пальцем на этого «кое-кого», — друг с насмешкой посмотрел на меня, — и у кого хватило для этого знакомств и, главное, денег. Давай, попробуй угадать с трёх раз. Ну, Мэгги, я в тебя верю!

Я замерла, уставившись в пустую чашку, стоявшую передо мной на столике. Мы с Саймоном сидели в своём любимом кафе на площади, поэтому ругаться вслух я не стала, чтобы не губить и без того неоднозначную репутацию. Хотя высказать всё, что я думала об очередной гениальной идее Алекса Гилмера, очень хотелось. От души и не особо стесняясь в выражениях.

— По выражению твоего лица я вижу, что ты догадалась с первой попытки, — похвалил меня Саймон, — так что я не буду тебя мучить и честно скажу: мисс Патридж и миссис Доршер видят в роли председателя организационного комитета тебя, мисс Маргарет Стюарт.

— Что я им такого плохого сделала?

— Ну, во-первых, это явно риторический вопрос, так что я отвечать на него не буду, а во-вторых, никогда не надо работать слишком хорошо, Мэгги. Карнавал ты организовала практически безупречно, так что предложение наших милых дам вполне логично и предсказуемо.

— Надеюсь, Алекс не пригласил никого из королевской семьи? — проворчала я, поминая тихим добрым словом жениха, который, на его счастье, уже неделю как уехал в Лондон по делам.

— Ничего не могу тебе сказать по этому поводу, Мэгги, — Саймон потянулся и не слишком охотно поднялся на ноги, — но если он это сделал, я непременно узнаю. И даже, может быть, тебе скажу. Кстати, а давай ты к субботе испечёшь побольше тех классных печенек, которые пекла две недели назад? Круглых таких, с шоколадной крошкой.

— А что у нас в субботу? — осторожно уточнила я, потому как из слов Саймона следовало, что на ближайший выходной намечается какое-то мероприятие, причём, судя по всему, у меня дома. Так-то я давно привыкла к тому, что и Саймон, и Джастин, и Алекс заходят ко мне почти как к себе домой. Даже соседка миссис Пауэр привыкла к этому и не пыталась при-

писать мне роман со всеми тремя, удовлетворившись тем, что я была официально помолвлена с Алексом, и воспринимая Саймона и Джастина как бесплатное приложение к нему.

— Ты что? В субботу утром возвращается наш свежее испечённый инспектор Джастин Холмс! А вечером мы у тебя отмечаем это событие.

— Стесняюсь спросить: а почему у меня?

— Ну а где? — изумился Саймон.

И то правда: где же ещё отмечать возвращение сдавшего экзамены сержанта Холмса, как не у меня дома? Не в ресторане же, это же так банально, а мы не ищем лёгких путей.

— Как раз и Гилмер вернётся, так что все будут в сборе, — продолжал между тем Саймон, — закажем у Ву картошечки с рыбкой, ты печенек напечёшь, и будет нам счастье. Ты сейчас к себе?

Он так резко перескочил с темы печенек на совершенно другую, что я даже слегка растерялась, но достаточно быстро сориентировалась и кивнула. За время тесного общения с Саймоном я привыкла к тому, что он легко и непринуждённо может говорить одновременно о десятке никак не связанных между собой вещей. Это не хорошо и не плохо, к этому нужно просто приспособиться.

— Да, мне ещё нужно внести в каталог пришедшие сегодня книги из числа тех, что мы закупили в Хоуптоне после аукциона. Как раз сегодня привезли последнюю партию.

Надо сказать, что идея с выставкой фотографий, сделанных Салли Мэрфи, оказалась очень удачной: хороших снимков было много, и они заняли несколько больших стендов, которые специально для этого сделали в какой-то мастерской в Брафордшире. Защищённые от дождя прозрачной плёнкой, фотографии возвращали зрителей в день карнавала, давали возможность ещё раз испытать те эмоции, которые были пережиты тогда.

Выставка продлилась три дня, а потом мы устроили аукцион, заранее объявив, что вырученные средства пойдут на покупку новых книг для библиотеки.

Мы с Салли надеялись, что часть фотографий купят на память, но того, что вокруг снимков поднимется такой ажиотаж, не могли даже предположить. Некоторые снимки стали предметом настоящей битвы, ставки росли стремительно, и очень удачное фото, на котором было запечатлено торжественное шествие, ушло за рекордные сто десять фунтов, сумма для Блайз-бери более чем солидная. Многие покупали фотографии для себя, для родственников, живущих в других городах. Алекс, как и собирался, тоже приобрёл несколько снимков, на которых была запечатлена я, заплатив в итоге очень приличную сумму.

Вырученных денег нам хватило на то, чтобы выплатить премию Салли, существенно пополнить книжный ассортимент и даже заказать в Брафордшире новые современные книжные стеллажи.

Прощавшись с Саймоном, я направилась в библиотеку, мысленно прикидывая, когда мне ждать визита мисс Патридж. В том, что переговоры поручат именно ей, я даже не сомневалась.

Глава 2

*« — Миш, ты зря Сашу остановил, он прав.
Мы все за тебя. Но Саша он прям за тебя, за тебя...
Мне кажется, он затебее, чем мы все тут...»*

© «День радио»

Библиотека встретила меня привычной тишиной и запахом новых книг: коробки с ними, доставленные сегодня утром из Хоуптона, громоздились на столе и даже на полу. Книг было много, и я совершенно искренне радовалась за жителей Блайзбери, у которых появилась возможность почитать что-то новенькое.

К выбору книг я подошла со всей ответственностью и постаралась учесть множество факторов: от того, что чаще выбирали перед карнавалом, до того, что теоретически может стать востребованным. Ну и, конечно, ориентировалась на знания из прошлой жизни, вспоминая, что действительно стало популярным, а что не очень.

Среди приобретённых новинок были утончённая Франсуаза Саган и жуткий Джон Фаулз, бессмертные Агата Кристи, Эдгар По и Артур Конан Дойл, захватывающий Фредерик Дар и даже занудный Джеймс Джойс с его «Улиссом». Не обошла я вниманием и менее серьёзную литературу, прикупив несколько романов Кэтрин Куксон, Яна Флеминга, Дороти Сэйерс и Барбары Картланд. В конце концов, у нас тут не университетская библиотека, правильно?

Я как раз заносила в карточку каталога данные романа Барбары Картланд с интригующим названием «Сладостное приключение», когда дверь библиотеки распахнулась, а колокольчик весело звякнул, извещая меня о приходе посетителя.

Даже не поднимая головы, я догадалась, кто осчастливил меня своим визитом, так как после слов Саймона ждала первой атаки. И мисс Патридж, и миссис Доршер отличались завидной настойчивостью и умением добиваться поставленной цели, а уж если они объединяли усилия — шансы спастись были практически нулевыми.

Оторвавшись от карточки, я посмотрела на входную дверь и похвалила себя за сообразительность: в библиотеку вплыла мисс Оливия Патридж собственной элегантной персоной. Аккуратная шляпка была украшена фетровыми осенними листьями, и я вспомнила, что точно такую же видела в последнем номере «Блайзберских кумушек». Интересно, когда и где мисс Оливия успела прикупить себе модную новиночку?

— Мэгги, дорогая, ты всё трудишься! — воскликнула она, глядя на меня чуть ли не с материнской заботой, и я внутренне напряглась.

— Пришла последняя партия купленных книг, — пояснила я, нейтрально улыбаясь, — может быть, хотите что-нибудь взять почитать, мисс Оливия?

— Ох, даже не знаю, — мисс Патридж величественно опустилась в кресло, стоявшее возле моего стола, — в последнее время столько забот, столько хлопот, просто ни минутки свободной! Впрочем, что за книгу ты сейчас держишь в руках?

— Это роман миссис Барбары Картланд, называется «Сладостное приключение»...

— Звучит как-то не очень прилично, тебе не кажется? — мисс Оливия подозрительно прищурилась, с сомнением глядя на яркую обложку, на которой роковой красавец обнимал трепетную девицу.

— Насколько я поняла из аннотации, речь идёт о чувствах некой юной аристократки, вынужденной бежать из дома и встретившей графа, загадочного, мужественного и харизматичного. Их любовь должна пройти испытание разлукой, предательством, заговорами и интригами. В общем, такая гремучая смесь приключенческого, любовного и исторического романа.

— Хм, — мисс Оливия оценивающе посмотрела на книгу, — знаешь, Мэгги, ты мне её отложи, я на днях зайду и возьму. Хорошо?

— Конечно, мисс Оливия, — я кивнула и положила яркий томик отдельно, чтобы уж наверняка не забыть, — уверена, вам понравится!

— Спасибо, дорогая, — улыбнулась мисс Патридж, — я, право, не знаю, как долго буду читать, ведь в связи с приближающейся ярмаркой, — тут она сделала многозначительную паузу, но я на это не купилась, — хлопот больше с каждым днём.

— Не сомневаюсь, что у вас и в этом году всё получится просто блестяще! — с энтузиазмом отозвалась я. — С вашим-то опытом и вашими организаторскими способностями! Тем более что осенняя ярмарка — это всегда было ваше детище, так сказать.

— Это, конечно, так, — вздохнула мисс Патридж, поняв, что я добровольно в капкан не поведу и придётся использовать запасные варианты. — Но, знаешь, Мэгги, я в последнее время не слишком хорошо себя чувствую...

Я с трудом удержалась от улыбки, так как в голове моментально всплыло бессмертное «то лапы ломит, то хвост отваливается», но так как в Блайзбери никто не слышал ни про дядю Фёдора, ни про кота Матроскина, то получилось бы не смешно, а обидно. Расстраивать мисс Оливию мне совершенно не хотелось, поэтому я сдержала неуместное веселье и приготовилась отбиваться от «соблазнительных» предложений.

— Поэтому, — продолжила мисс Патридж, — мне очень хотелось бы найти того, кто смог бы взять на себя хотя бы часть обязанностей по организации ярмарки.

— Я не сомневаюсь, что такой человек непременно отыщется, — сказала я, просто излучая оптимизм, — у нас в Блайзбери чрезвычайно отзывчивые люди!

— Это, конечно, так, — мисс Оливия тяжело вздохнула, — но ведь не каждому можно доверить столь ответственное дело, ты ведь понимаешь, Мэгги? Программа у нас большая, запланировано очень много всяких мероприятий, а времени осталось совсем мало, какой-то месяц!

— Не сомневаюсь, мисс Оливия, что все задумки удастся воплотить, — я собиралась стоять намертво и не понимать даже самых прозрачных намёков.

Видимо, мисс Патридж это поняла, потому что посмотрела на меня с лёгким осуждением и решила перейти в открытое наступление.

— Маргарет, — проникновенно начала она, — мы тут обсудили кое-что с Дороти и другими уважаемыми жителями Блайзбери... и решили попросить тебя возглавить организационный комитет ярмарки. Разумеется, основную работу мы возьмём на себя, каждый возглавит то направление, которым занимался в предыдущие годы, но вот осуществление общего руководства, реклама, связь с прессой, с администрацией... У тебя это получится гораздо лучше, чем у нас, дорогая. До твоего карнавала мы даже не предполагали, что праздники могут дать городу так много! Я тут говорила с миссис Вермидж, ты её наверняка помнишь, она возглавляла делегацию Честервиля на карнавале, и она сказала мне, что синее знамя уже почти у нас в руках. Представляешь?! Впервые за последние двести лет!

— Это прекрасная новость, мисс Оливия! — с энтузиазмом откликнулась я и тут же на всякий случай уточнила. — Я имею в виду то, что вы сказали про синее знамя.

— В общем, судьба Блайзбери в твоих руках, Маргарет, — отринув всякую дипломатию, заявила мисс Патридж, — надеюсь, ты понимаешь всю степень ответственности?

— Я обещала мистеру Гилмеру съездить к его родителям в Борнмут, — привела я последний аргумент, — вы же понимаете, как важно для меня знакомство с будущими родственниками!

— Ах, дорогая, разумеется, это очень важно! — воскликнула мисс Оливия и тут же продолжила, сверкая глазами. — Но, быть может, мистер Гилмер захотел бы пригласить своих родителей сюда, в Блайзбери? Они и с тобой познакомились бы, и на ярмарке бы повеселились. Я просто уверена, что в их Борнмуте нет ничего похожего!

— Наверняка там тоже проводят осеннюю ярмарку, — попыталась возразить я, но была остановлена пренебрежительным:

— Ой, да какая там может быть ярмарка, в этом Борнмуте! Что эти южане понимают в настоящих развлечениях?

— Не знаю, — я пожала плечами, так как про Борнмут не знала ничего кроме того, что это город на юге, и что туда ездят, чтобы отдохнуть на живописных берегах Ла-Манша.

— Вот именно, — припечатала мисс Оливия, — вот и посмотрели бы на настоящую традиционную осеннюю ярмарку! Ну и тебя увидели бы с самой лучшей стороны, ведь мистер Гилмер — не какой-нибудь клерк, который кроме своей конторы нигде и не бывает. Он джентльмен серьёзный, образованный, много видевший, и ты должна ему соответствовать, Маргарет.

— Не уверена, что это хорошая идея, мисс Оливия, — решительно сказала я, — мы с Алексом уже запланировали поездку, так что вряд ли станем что-то менять. К ярмарке мы, разумеется, вернёмся, но вы же понимаете, что должность, которую вы мне предлагаете, требует постоянного присутствия.

Мисс Патридж ненадолго задумалась, и я совсем уж было обрадовалась, что вопрос решён, как она бодро заявила:

— Ну ничего, ты же не на месяц туда отправишься, мы как-нибудь под тебя подстроимся, Мэгги. Ты ведь понимаешь, мы не можем упустить синее знамя!

Когда за мисс Патридж закрылась дверь, я обессиленно откинулась на спинку стула. Разговор вымотал меня так, словно я вручную таскала все коробки с книгами из Хоуптона в Блайзбери. Я уже занесла руку, чтобы стереть с лица словно приклеившуюся улыбку, как колокольчик над дверью снова весело звякнул, возвещая о новом посетителе. В библиотеку, благоухая дорогими духами и осенней свежестью, вошла миссис Дороти Доршер.

— Маргарет, душенька! — её голос был мелодичным, но под звонкой мягкостью можно было расслышать позвякивание стальных наручников. — Я только что столкнулась с мисс Патридж. И Оливия сказала, что ты... как бы это помягче сказать... проявила излишнюю осторожность в вопросе нашей ярмарки.

Я мысленно застонала. «Излишняя осторожность» в переводе с языка миссис Доршер означало «упрямство и эгоизм».

— Здравствуйте, миссис Доршер, — я попыталась изобразить радушие, но, судя по её насмешливому взгляду, получилось неубедительно. — Я просто напредила мисс Патридж о своих планах. Мы с Алексом уже заказали билеты в Борнмут.

— Билеты? — она махнула рукой с таким видом, будто речь шла о трамвайных талонах. — Билет можно сдать, дорогая. А вот репутацию города спасти сложнее. Ты же понимаешь, что это не просто ярмарка? Это битва за престиж! Честервилль спит и видит, как бы нас обойти. Брафордшир не может простить нам недавнего триумфа. Если мы упустим это знамя из-за твоей поездки к морю... — она сделала драматическую паузу и покачала головой.

Я почувствовала, что начинаю закипать, хотя не могла не признать: атака велась по всем правилам воинского и дипломатического искусства.

— Борнмут — это не просто «море», миссис Доршер. Это культурный центр юга.

— Культурный центр? — фыркнула она. — Там даже чая нормального не нальют! То ли дело у нас. А мистер Гилмер... он же умный молодой человек. Он должен понимать, что долг перед обществом превыше всего. Представь, что он подумает о девушке, которая променяла судьбу родного города на какой-то там пляж?

Я открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент дверь распахнулась без всякого колокольчика — кто-то просто с силой толкнул её плечом. В проёме стояли двое: мистер Колгрив, и мисс Аманда Остин.

— А вот и мы! — бодро провозгласил мистер Колгрив, проходя внутрь. — Маргарет, мы тут посоветовались... В общем, Дороти нам всё рассказала.

— Мэгги! — миссис Аманда, дама монументальная и решительная, не стала тратить времени на приветствия. Она подошла к моему столу и оперлась на него обеими руками. — Я вчера была в Брафордшире. И хочу тебе сказать, что многие готовы принять участи в ярмарке и даже предоставить ценные призы, но только в том случае, если ярмаркой будешь заниматься ты. Они там все до сих пор под неизгладимым впечатлением от карнавала.

Я переводила взгляд с одного лица на другое. Они окружили меня плотным кольцом: миссис Доршер справа сверлила взглядом мою макушку, мистер Колгрив слева шумно сопел от волнения, а мисс Остин нависала над столом.

— Многие готовы пойти на финансовые уступки! — Воскликнул мистер Колгрив. — Мистер Хиггинс из Меймерда готов взять на себя все расходы по обеспечению транспортом. Я лично гарантирую выступление нашего городского оркестра. А Дороти... Дороти, как и в прошлый раз, возьмёт на себя цветочные композиции.

— И всё это ради того, чтобы ты согласилась, Маргарет, — тихо добавила миссис Доршер. В библиотеке повисла тишина.

— Вы... вы все сговорились? — наконец выдохнула я, уже понимая, что после визита мисс Аманды и мистера Генри мой отказ будет выглядеть просто неприлично.

— Мы объединились ради общего блага! — гордо ответила мисс Аманда. — Мэгги, ты же сама говорила: «Блайзбери заслуживает лучшего». Так докажи это делом!

Я обвела их взглядом. На меня смотрели три пары глаз: умоляющих, требовательных и полных надежды. Синее знамя, вручаемое лучшему городу округа, действительно было почти у нас в руках. И я поняла, что моя поездка в Борнмут только что оказалась под очень большим вопросом. Вот Алекс-то «обрадуется»!

Глава 3

«Я его буду держать, а вы — шантажировать!»

© «Спортлото-82»

Я смотрела на их лица — на торжествующую улыбку мисс Аманды, которая уже предвкушала победу и видела в мечтах синее знамя, гордо реющее на здании администрации, на удовлетворённый кивок миссис Доршер, которая наверняка уже прикидывала, какие преференции для литературного клуба можно получить в ходе ярмарки, на широкую, как у чеширского кота, улыбку мистера Колгрива, в мечтах которого все солисты Лондонского филармонического оркестра уже выстраивались в очередь, чтобы попасть в оркестр Блайзбери.

Они были уверены, что победили, что загнали меня в угол, приперли к стенке библиотеки своим коллективным «мы все за тебя». И, честно говоря, они были не так уж далеки от истины. Не скажу, что мне льстило такое отношение, но малышка Мэгги наверняка искренне гордилась бы таким доверием элиты Блайзбери, а значит, и я буду.

Синее знамя, которое целых два века игнорировало Блайзбери! Я представила, как миссис Вермидж из Честервиля будет рассказывать своим кумушкам о нашем провале, а в прессе появятся снисходительно-утешительные статьи, и меня передёрнуло. Это было бы просто неприлично. А я, как ни крути, теперь часть этого города. «Та самая Мэгги Стюарт из библиотеки», которая устроила лучший карнавал за последние сто лет. Не племянница идеального мистера Стюарта, и не невеста самого мистера Алекса Гилмера, а сама я как личность, сумевшая самостоятельно добиться успеха. И, главное, этот успех был признан окружающими и послужил на благо ставшего мне родным Блайзбери. Отказаться сейчас — значит расписаться в том, что всё это было лишь иллюзией и просто счастливым стечением обстоятельств.

— Хорошо, — сказала я, аккуратно закрыв журнал регистрации книг, хотя больше всего мне хотелось огреть им кого-нибудь, даже неважно, кого именно. Но, скорее всего, мистера Колгрива — он из присутствующих, пожалуй, самый безобидный.

Слово упало в звенящую тишину библиотеки, как камень в воду. Мисс Аманда, настроенная на длительную борьбу, даже приоткрыла рот от удивления.

— Что, прости? — переспросила она.

— Я сказала: хорошо. Я возглавлю организационный комитет осенней ярмарки.

Вокруг меня раздался хор облегчённых вздохов и радостных восклицаний. Мистер Колгрив поправил галстук и одобрительно кивнул.

— Я же говорил! — с едва заметной снисходительностью проговорил он. — У этой юной леди есть стержень! Ну и воспитание мистера Стюарта сказывается самым лучшим образом.

Тут я могла бы кое-что уточнить, но, естественно, не стала. Пусть дядя Кевин в глазах блайзберской общественности остаётся недостижимым идеалом истинного джентльмена.

— Но! — я подняла руку, и все взгляды снова обратились ко мне. — У меня есть одно условие.

Улыбка мисс Аманды слегка поблекла: какие, в самом-то деле, могут быть условия, когда я уже сказала «да»?

— Какое же?

Я аккуратно положила ручку на стол и выпрямилась. В этот момент я чувствовала себя не библиотекарем, а как минимум дипломатом, ведущим переговоры о судьбах мира.

— Я сделаю это. Я возьму на себя общее руководство, связь с администрацией, с прессой и всё остальное. Но только после того, как мой жених одобрит это решение. И если... — я сделала акцент на этом слове, — если мистер Гилмер не станет возражать против моего участия в ярмарке, я приступлю к своим обязанностям, оставив за собой право уехать на несколько дней тогда, когда нам с мистером Гилмером это будет удобно.

В библиотеке повисла пауза. Миссис Доршер переглянулась с мисс Остин.

— То есть ты всё же ставишь свои интересы выше интересов города? — с искренним удивлением уточнила она.

— Нет, — спокойно возразила я. — Я ставлю условие, которое справедливо по отношению к моему жениху и ко мне. Просто мероприятий много, а жених у меня один, к тому же не отличающийся покладистым характером. Другие в мире большого бизнеса просто не выживают, вы же понимаете. Я не могу просто так отменить поездку, о которой мы договорились несколько недель назад. Это было бы непростительным неуважением. Но если Алекс поймёт всю важность дела и даст своё согласие, я буду в вашем распоряжении на сто процентов.

Я видела, как они борются с собой: им отчаянно хотелось сказать «нет», настоять на своём и убедить меня согласиться без всяких условий. Но при этом они прекрасно понимали: если давить на меня слишком откровенно, я откажусь, и тогда плакало их драгоценное знамя.

Мисс Доршер медленно кивнула.

— Что ж... Это разумно, Маргарет. Мы подождём решения мистера Гилмера, и я уверена, что столь достойный молодой человек правильно расставит приоритеты. Мы все уже имели возможность убедиться в его благоразумии и добром отношении к Блайзбери.

Я улыбнулась им своей самой обворожительной улыбкой.

— Вот и славно. А теперь, если вы позволите, мне нужно закончить каталогизацию новинок. У меня тут «Улисс» Джойса скучает без карточки, да и романы о мистере Джеймсе Бонде сами себя по порядку не расставят.

— Хорошо, Мэгги, — как-то подозрительно быстро согласилась миссис Доршер, — ты, разумеется, права, дорогая! Да и у нас тоже есть дела, требующие внимания.

И она чуть ли не силой вытащила из библиотеки мисс Аманду и мистера Генри, оставив меня в состоянии искреннего недоумения.

В итоге, решив, что я всё равно не смогу угадать, что затеяла миссис Доршер — а в том, что она что-то придумала, сомнений не было ни малейших, — я занялась карточками книг.

Вечерний Блайзбери накрыло привычной, уютной тишиной. Горожане постепенно разошлись по домам, так как сентябрь, каким бы тёплым и солнечным он ни был, а всё равно уже осень. Следовательно, пить чай в саду или на незастеклённой веранде вечерами становилось прохладно.

Я сидела в гостиной, поджав под себя ноги, и честно пыталась вникнуть в сюжет «Улисса» в надежде, что, может, в этой реальности я смогу его одолеть. Задача была, прямо скажем, практически непосильная для человека, чей мозг за день был перегружен интригами и шантажом со стороны местного светского общества. Буквы на странице расплывались, превращаясь в бессмысленные символы.

Телефонный звонок раздался так внезапно, что я чуть не подпрыгнула и уронила книгу. Это был Алекс Гилмер, мой неоднозначный жених, который неделю назад уехал в Лондон по делам своей торговой сети и звонил мне каждый вечер около половины десятого.

— Мэгги! — в голосе жениха параллельно с усталостью отчётливо проскальзывали нотки весёлого изумления. — Я не знаю, что ты там натворила, но мой телефон в офисе сегодня просто взорвался. Полагаю, что телефонистки нашего делового центра успели возненавидеть меня всеми фибрами души. Наверное, именно так чувствует себя премьер-министр во время национального кризиса!

— Алекс, ты можешь успокоиться и внятно объяснить мне, что случилось, — я улыбнулась, прижимая трубку плотнее. — У тебя всё в порядке?

— В порядке? — он издал короткий смешок, но я уже достаточно хорошо изучила мистера Гилмера, чтобы понимать: он не сердится. — Я бы так не сказал. За сегодняшний день мне позвонил, кажется, миллион человек. И все из Блайзбери. Сначала был звонок от миссис Доршер. Она была настолько любезна и доброжелательна, что я на секунду подумал,

не собирается ли она предложить мне выгодный контракт. Однако оказалось, что она просто вдруг решила сказать мне, какого она высокого мнения обо мне и моих деловых и, главное, человеческих качествах. Я, конечно, поблагодарил, но почему для этого нужно было звонить мне в Лондон, так и не понял. Потом мне позвонил мистер Колгрив...

— О нет, — простонала я и закрыла глаза рукой. — Только не говори, что они звонили тебе по очереди.

— Именно так! — подтвердил Алекс. — Мистер Колгрив красиво и проникновенно говорил о «судьбе города» и «синем знамени» с таким пафосом, будто мы обсуждаем не ярмарку, а как минимум спасение Британии от иноземного вторжения. Затем была мисс Остин. Она была более... прямолинейна. Сказала что-то про «долг перед обществом» и что «девушка из хорошей семьи должна правильно расставлять приоритеты». И тут я понял, что всё это сумасшествие как-то связано с тобой.

Я не знала, плакать мне или смеяться, поэтому просто попросила:

— Прости меня, Алекс. Я пыталась отбиться. Правда-правда пыталась.

— А потом началось самое интересное, — продолжил мистер Гилмер, проигнорировав мои извинения. — Когда телефон зазвонил в десятый раз за час, на меня с искренним любопытством начали смотреть мои лондонские партнёры. Мы как раз заканчивали совещание по сделке с недвижимостью. Представь себе картину: солидные джентльмены в дорогих костюмах, на столе — графики и финансовые отчёты, а я отвечаю на звонок и говорю: «Да-да, я передам Мэгги, что правильно расставить приоритеты — это очень важно» или «Не волнуйтесь, мы с Маргарет непременно это обсудим!» Мистер Фитцджеральд даже отложил свою ручку и спросил: «Гилмер, у вас там что, выборы мэра?».

Я не выдержала и рассмеялась.

— И что ты им сказал?

— Я сказал им правду, — голос Алекса стал мягче. — Я сказал им, что моя невеста — самая популярная девушка в округе, которая умудрилась превратить сонный провинциальный город в центр культурной жизни, и теперь все его жители не могут без неё обойтись. Они были впечатлены. Один из них даже пошутил, что мне стоит брать с города арендную плату за твоё использование. А двое высказали желание посетить осеннюю ярмарку и лично посмотреть на удивительный Блайзбери и ещё более удивительную тебя.

— Надеюсь, они просто пошутили, — тут же проговорила я и зажмурилась, представив на мгновение солидных джентльменов из Лондона на ярмарке в Блайзбери. Нет-нет-нет! Ни за что!

— Не могу тебе ничего обещать, — с некоторым сомнением в голосе ответил Алекс и добавил уже совершенно серьёзно. — Так что там с этой ярмаркой? Насколько всё сложно?

Я вздохнула и пересказала ему весь разговор в библиотеке, включая моё условие.

— То есть ты поставила им ультиматум от моего имени? — в его голосе звучала не очень понятная мне гордость.

— Ну... да. Я подумала, что раз уж они меня шантажируют судьбой города, я имею право на ответный ход.

На том конце провода повисла короткая пауза, а затем Алекс снова заговорил, но уже совсем другим тоном — вкрадчивым и немного лукавым, от которого у меня моментально вспотели ладошки и вспыхнули щёки.

— Раз уж я теперь официально дал добро на твою благотворительную деятельность, — начал он, — у меня есть встречное предложение. Или, скорее, условие.

— О нет, — я рассмеялась, откинувшись на спинку дивана, — только не говори, что ты тоже хочешь возглавить какой-нибудь комитет. Боюсь, Блайзбери не готов к такому потрясению.

— Нет, я не настолько жесток к несгибаемым борцам за синее знамя. Моё условие гораздо проще и эгоистичнее. Я вернусь в Блайзбери в пятницу вечером, в субботу мы отметим успех нашего общего друга Джастина, а потом я умыкну тебя в Лондон на пару дней. Думаю, один понедельник библиотека совершенно спокойно простоит и без тебя. Мне очень давно хочется прогуляться по Лондону с тобой, Мэгги. Без Джастина и Саймона, как бы хорошо я к ним ни относился.

Я почувствовала, как щёки начинают гореть ещё сильнее. Предложение было невероятно заманчивым, но в нём слышалась такая властная уверенность Алекса, что я невольно напряглась. «Умыкнуть»? Слово прозвучало так, будто я — вещь, которую можно просто положить в багажник его роскошного автомобиля и увезти.

— Алекс, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — это очень мило с твоей стороны, но... Я не могу просто так взять и уехать. И я не хочу, чтобы ты... как ты сказал? Умыкал меня. Это звучит так, словно ты не оставляешь мне выбора.

На том конце провода раздался тихий, обволакивающий смех, а моя спина моментально покрылась мурашками.

— Мэгги, ты слишком много думаешь. Я же не предлагаю тебе сбежать в Гретна-Грин для тайного венчания. Я предлагаю просто провести выходные вместе. Но... — он снова сменил тон на более серьёзный, — я понимаю твои опасения. Обещаю вести себя как истинный джентльмен. Я не позволю себе ничего, что могло бы тебя смутить или поставить в неловкое положение. Как бы мне этого ни хотелось.

Я слотнула. Его прямота обезоруживала.

— Это... благородно с твоей стороны. Но зачем тебе это? Зачем везти меня в Лондон?

— Во-первых, потому что я по тебе скучаю, — без обиняков ответил он. — А во-вторых... Я хочу познакомить тебя с парой своих деловых партнёров. С теми самыми Фитцджеральдами и мистером Хопкинсом. Они заинтригованы. Они должны увидеть, что за девушка заставила весь Блайзбери встать на уши, а меня — потерять голову.

— О, боже, — простонала я, закрывая лицо свободной рукой. — Теперь ещё и это.

— Не переживай, — успокоил он. — Это просто ланч. Но... — он сделал паузу, и я уже знала, что за этим «но» последует что-то сложное. — Мэгги, ты же понимаешь, что для такого выхода твой чудесный библиотечный гардероб не совсем подходит? Я не говорю, что он плох, но... это Блайзбери. А там — Сити.

Я почувствовала укол обиды, смешанный с неловкостью. Он был прав, и от этого становилось ещё хуже.

— Ты хочешь купить мне одежду? — прямо спросила я.

— Я хочу, чтобы ты выглядела безупречно. Чтобы эти старые снобы поняли, что Алекс Гилмер умеет выбирать не только выгодные контракты, но и...

— Нет, — перебила я его твёрдо.

В трубке повисло молчание.

— Нет? — переспросил Алекс с нотками удивления в голосе.

— Именно так. Нет. Я ценю твоё предложение, правда. Но я куплю себе всё сама.

— Мэгги, не будь смешной. У меня есть деньги, это суший пустяк... В конце концов я владелец торговой сети!

— Для тебя — может быть. Но не для меня. У меня есть свои средства, Алекс, ты же знаешь, и я вполне способна сама выбрать себе платье и туфли. Если мы едем в Лондон как пара уважающих друг друга людей, то я настаиваю на этом условии. Я не хочу быть обязанной тебе ещё и в этом.

Он вздохнул. Я представила, как он проводит рукой по волосам — этот его жест я уже успела выучить.

— Хорошо, — наконец произнёс он после долгой паузы. Интересно, почему это прозвучало примерно как «ну и дура же ты, Мэгги»?

— Хорошо, мисс Маргарет Стюарт. Ты победила. Покупай сама то, что считаешь нужным. Но позволь мне хотя бы дать тебе совет? Поверь, у меня отменный вкус.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Советам джентльмена я всегда рада. Но платит джентльмен только за совместный ужин.

— Ну хоть что-то! Принято, — рассмеялся он. — Тогда до пятницы?

— До пятницы, Алекс. И спасибо за понимание.

— Это тебе спасибо за то, что делаешь мою жизнь такой восхитительно непредсказуемой.

Глава 4

«Не такое это простое дело — ходить в гости!

Когда войдём, главное, делай вид, будто мы ничего не хотим...»

© «Винни-Пух идёт в гости»

Первый тревожный звоночек, намекающий на то, что спокойная жизнь заканчивается, раздался в среду, когда к нам с Саймоном в кафе подседа моя подружка Эмили. В последнее время мы меньше общались, так как я была занята то литературным карнавалом, то работой, то закапыванием трупов в саду, а Эмили полностью погрузилась в захватывающий процесс подготовки к свадьбе, назначенной на конец декабря. Но, несмотря на категорическую нехватку времени, мы иногда встречались, чтобы обменяться последними новостями и просто поболтать о своём, о девичьем.

— Мэгги, Саймон, привет, — Эмили яркой птичкой впорхнула в кафе, как всегда сияя улыбкой и излучая позитив, — вы слышали последние новости?!

— Скорее всего, нет, так как я не припомню ничего, что могло бы вызвать у тебя такое воодушевление, — меланхолично отозвался Саймон, вставая и отодвигая для девушки кресло, — но, полагаю, ты сейчас нас просветишь.

— В «Королевском дубе» новый постоялец!

— И что с того? — с искренним недоумением спросила я, обменявшись с Саймоном непонимающими взглядами. — У них всё так плохо, что появление нового жильца становится событием?

— Да нет же! — Эмили так хотелось поделиться свежей сплетней, что она даже не стала ходить вокруг да около, а сразу перешла к делу. — В этом не было бы ничего странного, если бы этот новый постоялец не снял целый этаж! Представляете?!

Мы с Саймоном снова переглянулись: то, что сказала Эми, было действительно довольно необычно. «Королевский дуб» был небольшой симпатичнейшей гостиницей на правом берегу реки Селлсайд, делящей Блайзбери на две примерно равные части. Так как правый берег традиционно считался более деловым и современным, то в «Королевском дубе», как правило, останавливались приезжавшие из Хоуптона или даже из Лондона торговые агенты, клерки, проверяющие и прочие официальные лица. Гости более высокого социального статуса чаще останавливались в «Королеве Виктории», хотя мне «Королевский дуб» нравился больше. Но пока никто ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь снимал целый этаж!

— А зачем ему так много комнат? — поинтересовался Саймон вроде как равнодушно, из вежливости, но я-то видела, каким живым интересом сверкнули его глаза за стёклами очков.

— Никто не знает! — Эмили сделала круглые глаза и продолжила. — Он приехал с одним не то водителем, не то телохранителем, но сказал, что ждёт ещё помощника, который должен прибыть со дня на день. Говорят, — тут она добавила в голос таинственности, — что он самый настоящий миллиардер!

— Не Блайзбери, а Хампстед, честное слово, — негромко, так, чтобы расслышала только я, фыркнул Саймон, — куда ни плюнь, попадёшь или в миллионера или в миллиардера.

— Его зовут Юджин МакКиллиан, — продолжила делиться сведениями Эми, — и он приехал надолго, вот.

— А ты откуда знаешь?

— Мне сказал Бен, а ему сказал Робин, водитель мистера МакКиллиана, когда просил посмотреть «Бентли», на котором они приехали, просто для профилактики, понимаете? Вот он и спросил Бена, может ли тот взять машину на обслуживание, так как его босс приехал не

на одну неделю. Бен говорит, что это не просто «Бентли», а «Бентли S-1» на базе «Роллс-Ройс Серебряное Облако». А эта машина по карману только миллиардерам, вот!

— Что мог забыть в Блайзбери человек такого уровня? — удивился Саймон, и я прям видела, как в его лохматой голове рождаются и рушатся десятки версий, одна другой безумнее.

Вообще надо сказать, что в городках, подобных Блайзбери, появление любого нового человека, приехавшего больше чем на несколько дней, вызывает немалый интерес, а порой настоящий ажиотаж.

Дело в том, что жизнь в Блайзбери всегда текла по своим, веками выверенным законам. Это был не просто привычный уклад, а сложный, хрупкий механизм, похожий на старинные часы в здании администрации. Каждый помнил свою шестерёнку, каждый поворот стрелки был предсказуем. Почтальон знал, у какой калитки его облает пёс, а где угостят чаем с овсяным печеньем. Продавец в булочной начинал складывать нужный хлеб в пакет ещё до того, как посетитель озвучивал своё желание. Фермеры приветствовали друг друга на полях так, как делали это их отцы, деды и прадеды. Даже сплетни в «Блайзберских кумушках» были делом привычным и безопасным, потому что касались исключительно своих.

В таком замкнутом мире чужак — это не просто новый человек. Это инородное тело, попавшее в отлаженный механизм. Он — камень, брошенный в тихий пруд, от которого по зеркальной глади разбегаются круги тревоги и опасений.

Причина этой настороженности крылась вовсе не в злобе, а в инстинкте самосохранения маленького замкнутого мира. Стабильность здесь всегда была главной ценностью, поэтому любое отклонение от нормы воспринималось как нешуточная угроза. Что, если чужак купит старый особняк Блэквудов и устроит там шумный пансион? Что, если он начнёт скупать земли и введёт какие-то новые, непонятные порядки? Что, если он просто окажется неприятной личностью? В представлении блайзберцев, у любого человека «со стороны», чьи корни не уходили в эту глинистую почву, обязательно было полно странностей, а в шкафу непременно завалился десяток-другой скелетов. Он мог быть инспектором, журналистом из желтой прессы или просто аферистом. Идея о том, что кто-то может приехать просто так, из любопытства или любви к тишине, большинству казалась нелепой. Ведь для отдыха есть специальные курорты типа того же Борнмута.

Исключением, пожалуй, стал мистер Алекс Гилмер, но и то исключительно благодаря его активному участию в литературном карнавале. Он выступил главным спонсором и вообще вёл себя просто исключительно, за что и получил полуофициальное разрешение причислить себя к «настоящим блайзберцам». И мне порой казалось, что этим он гордится намного больше, чем всеми хвалебными статьями вместе взятыми.

Поэтому совершенно естественно, что появление незнакомого джентльмена, прибывшего, по слухам, аж из самого Лондона на сверкающем чёрном «Бентли», стало сенсацией номер один, на время даже затмив разговоры о предстоящей ярмарке и моём согласии возглавить организационный комитет.

— А Молли Робинсон, ты должна её помнить, Мэгги, она ещё встречалась с Джейком Вудшерсом, он потом, правда, уехал в Хоуптон, потому что...

— Эмили, ближе к делу, — остановил девушку Саймон, — что сказала Молли?

— Не перебивай, — Эми сердито шлёпнула Саймона по руке перчатками, — так вот, Молли работает горничной в «Дубовом листе», и она сказала, что мистер МакКиллиан велел подавать ему завтрак в номер ровно в семь тридцать утра и ни минутой позже! Представляете?! Семь тридцать! У нас тут что, Букингемский дворец? Но, правда, Молли сказала, что он оплатил три недели вперёд и оставил ей такие чаевые, что она согласна лично ему этот завтрак готовить.

Минут через десять Эмили убежала на очередную встречу с миссис Лавенли: они уже несколько недель не могли выбрать фасон будущего свадебного платья, а мы с Саймоном оста-

лись сидеть в кафе. Я изо всех сил старалась прогнать дурные предчувствия, для которых, в общем-то не было пока ни малейших оснований.

Саймон задумчиво побарабанил пальцами по столешнице и знаком попросил у Лили, сегодняшней официантки, ещё чашку чая.

— Ну, давай рассуждать логически, — наконец произнёс он. — Кто это может быть? Вариант первый: это просто скучающий богач. Знаешь, такой тип, который объездил все курорты мира и решил, что для разнообразия стоит посмотреть на «настоящую Англию». Он засядет в «Королевском дубе», будет жаловаться на отсутствие суши в меню и через три дня уедет обратно в свой Лондон.

— Нет, — я покачала головой, и эта версия показалась мне слишком простой, чтобы быть правдой. — Такие люди не снимают на три недели целый этаж с таким видом, будто покупают его. Эти люди умеют считать деньги, поверь мне, Саймон.

— Ладно, — Саймон наклонился ближе, понизив голос до шёпота. — Вариант второй, более прагматичный и реалистичный. Это конкурент Гилмера.

Эта мысль уже приходила мне в голову, и от неё по спине снова пробежал холодок.

— Думаешь, кто-то хочет выкупить земли вокруг Блайзбери? Построить здесь завод или торговый центр?

— А почему бы и нет? — Саймон пожал плечами. — Место живописное. До Лондона на поезде не так уж и долго. Для какого-нибудь ушлого коммерсанта это золотая жила. Приехал, осмотрелся, начал прощупывать почву. А «Бентли» — это чтобы произвести впечатление на местных олухов, показать, что с ним лучше не спорить.

— Алекс ничего такого не говорил, — нахмурилась я, — думаешь, он может просто не знать о происках конкурентов? Но тогда почему этот мистер МакКиллиан приехал лично да ещё так надолго? Если он собирал информацию, то не может не знать, что Алекс сейчас почти постоянно живёт здесь и уже успел заручиться поддержкой местного населения. Да и работы по реставрации зданий под торговый центр уже идут полным ходом.

— А вот тут мы подходим к варианту номер три. И он мне нравится меньше всего. Что, если этот хлыщ приехал не из-за местных красот и не из-за Гилмера? Что, если он приехал из-за тебя?

Я вздрогнула, так как прекрасно понимала: скорее всего, так оно и есть. Те, с кем были связаны мои родители и дядя Кевин, никогда не оставят меня в покое, и при это совершенно не важно, буду я активно заниматься вопросами наследства или буду тихо и скромно сидеть в своей библиотеке.

— Это может быть человек из его прошлого, — проницательно добавил Саймон. — Или из твоего, что намного вероятнее. Точнее, не лично твоего, а твоих родственников. Ты, главное, не переживай, Мэгги, места в твоём саду ещё много, а Джастин у нас уже без пяти минут старший констебль. С его стремлением сделать карьеру в полиции он долго в обычных инспекторах не засидится, это я тебе точно говорю.

Наверное, мы ещё долго обсуждали бы разные варианты развития событий, если бы эти самые события не заявили к нам сами.

— Не оборачивайся, — неожиданно сказал Саймон, глядя куда-то за моё плечо, — просто пей свой кофе.

— А что там такое? — моментально насторожилась я.

— Не что, а кто, — поправил меня друг, не отводя взгляда от кого-то, кто пока был мне не виден, — если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, то это тот самый загадочный гость нашего города. Теперь осталось понять, чего ему от нас надо.

Глава 5

«- Мне этот климат посоветовала моя экстрасенс.

- Экстра - кто?

- Сенс. Она будущее провидит...»

© «Любовь и голуби»

За спиной послышались неторопливые шаги, и вскоре я увидела того, о ком мы за сегодняшний день успели услышать столько противоречивой, но, несомненно, интересной информации.

Мистер Юджин МакКиллиан остановился возле нашего столика и теперь совершенно спокойно давал нам рассмотреть себя, разве что не поворачивался, как манекен наподобие тех, что медленно крутятся на специальных подставках, давая возможность покупателю оценить товар со всех сторон.

Надо отдать ему должное: выглядел гипотетический миллиардер практически безупречно. Дорогое лёгкое пальто было небрежно расстёгнуто, под ним виднелся идеально скроенный тёмный костюм. Тщательно подобранный кашемировый шарф и мягкие кожаные туфли завершали картину. Это была не кричащая роскошь, а спокойная, выверенная элегантность человека, который привык не отказывать себе ни в чём.

Мистера МакКиллиана нельзя было назвать красавцем, но было в его внешности что-то на редкость притягательное: черты его лица были слишком резкими для потомственного аристократа, нос был явно когда-то давно сломан и вправлен, но осталась характерная неровность, а подбородок казался излишне волевым и тяжёлым. Всё вместе складывалось в образ человека, который привык повелевать, а не подчиняться. На вид ему было около сорока пяти лет — возраст силы и уверенности, когда юношеская мягкость уже ушла, оставив место лишь закалённому характеру.

Серые глаза смотрели цепко и холодно, наверняка замечая самые незначительные детали. Волосы цвета соли с перцем были зачёсаны назад, но одна непослушная прядь то и дело падала на лоб, нарушая строгий образ и добавляя мистеру МакКиллиану толику человеческого несовершенства, какой-то мальчишеской удачи. Каждое его движение было выверенным и плавным, полным ленивой грации хищника, уверенного, что добыча никуда не денется.

— Мисс Стюарт, какая удача! — его голос оказался именно таким, каким должен быть у человека с подобной внешностью: бархатистым, глубоким и властным. — Я уже начал думать, что весь Блайзбери просто сговорился спрятать вас от меня... О, простите мне мою бесцеремонность и позвольте представиться: Юджин МакКиллиан. Прошу прощения за столь внезапное вторжение, но я просто не мог упустить возможность познакомиться с вами.

— Очень приятно, мистер МакКиллиан, — проговорила я, изо всех сил стараясь выглядеть спокойно и доброжелательно, хотя внутренний голос при виде мистера Юджина пискнул от страха и спрятался где-то очень глубоко. — Меня вы, судя по всему, знаете, а это мой близкий друг, мистер Миллз, журналист.

— Польщён столь замечательным знакомством, — любезно ответил мистер МакКиллиан, и было непонятно, говорит он всерьёз или издевается, — вы позволите присесть?

— Конечно, располагайтесь, — радушно предложил Саймон и уточнил, — правда, у нас с Маргарет через десять минут заканчивается обеденный перерыв...

— О, я не задержу вас дольше, — мистер МакКиллиан опустился в кресло, где ещё совсем недавно сидела Эмили, — я приехал в ваш чудесный город надолго, так что, смею надеяться, у нас ещё будет возможность пообщаться без спешки, не правда ли? А сегодня я просто хотел засвидетельствовать своё почтение мисс Стюарт.

— Зачем? — не слишком вежливо, зато по делу спросила я, смягчая категоричность вопроса улыбкой. — Не припоминаю, чтобы наши пути хоть где-то пересекались, мистер МакКиллиан. Поправьте меня, если я ошибаюсь!

— Нет-нет, мисс Стюарт, — он улыбнулся, и я неожиданно увидела, как сверкнул золотой зуб, слегка выбивавшийся из образа рафинированного лондонского денди. — Лично с вами мы не знакомы, хотя я достаточно много слышал о вас от вашего дяди, мистера Кевина Стюарта, моего доброго друга. Он много рассказывал о вас и об этом удивительном месте, о Блайзбери. Он описывал его как настоящую жемчужину, затерянную во времени и в пространстве. После его рассказов у меня возникло непреодолимое желание увидеть всё своими глазами. Возможно, даже приобрести здесь дом для отдыха, чтобы иногда сбегать от суеты большого города. Жаль, что эта возможность выдалась только сейчас, спустя несколько лет. Но ведь недаром говорится, что лучше поздно, чем никогда, не так ли?

— Несомненно, — согласилась я, — я уверена, что вы непременно отыщете дом, который вам понравится, мистер МакКиллиан. Если не в Блайзбери, то, возможно, в Честервиле, Брафордшире или Меймерде... А то и в Хоуптоне, хотя там нет этого очарования маленького городка.

— Мне бы хотелось найти подходящий вариант именно в Блайзбери, — снова сверкнул улыбкой мистер МакКиллиан, — мой агент подобрал мне несколько вариантов, и я планирую внимательно изучить каждый из них. Ну а там и на сделку можно выйти, чтобы, как говорится, два раза не ездить.

— Вы приехали настолько надолго, мистер МакКиллиан? — встрял в разговор Саймон.

— Да, как минимум на месяц, мистер Миллз, — доброжелательности в голосе мистера Юджина хватило бы на десяток человек, — к тому же я слышал, что через месяц состоится традиционная осенняя ярмарка. Я с удовольствием посетил бы это наверняка интереснейшее мероприятие! А то на осенней ярмарке я в последний раз был подростком, лет тридцать назад, если не больше. Так что я никуда не спешу, мистер Миллз, и очень надеюсь поближе познакомиться с мисс Стюарт, если она будет не против.

— Боюсь, я буду очень занята в течение этого месяца, — вздохнула я, — дело в том, что я возглавляю организационный комитет ярмарки.

— Ах, какое важное и ответственное дело! — воскликнул мистер МакКиллиан. — Впрочем, я заранее был уверен в том, что племянница моего друга, мистера Стюарта, не может оказаться обычной девушкой. И, мисс Стюарт, если я могу быть чем-нибудь полезен, прошу вас, обращайтесь ко мне без всякого стеснения!

— Благодарю, у меня много помощников, — улыбнулась я, — но за предложение спасибо. А теперь нам, увы, пора идти: обеденный перерыв заканчивается.

— Неужели вы работаете? — изобразил удивление мистер МакКиллиан. — Разве у вас есть в этом необходимость? Я был уверен, что дядя оставил вам достаточно средств для того, чтобы вести безбедное существование.

— Я работаю потому что мне нравится то, чем я занимаюсь, — спокойно ответила я, не показывая, как меня напрягло то, что он так быстро затронул тему моего финансового положения и наследства. — Была рада с вами познакомиться, мистер МакКиллиан. Добро пожаловать в Блайзбери.

Прощались с нашим внезапным собеседником, мы с Саймоном, не сговариваясь, направились в сторону библиотеки, хотя редакция располагалась в другой стороне. Мне показалось, что ветер, совсем недавно бывший тёплым и ласковым, стал намного резче и холоднее. Это, видимо, на меня так повлияла встреча с мистером МакКиллианом. Хотя вроде бы ничего плохого он и не сказал, и не сделал.

— Опасный тип, — негромко проговорил друг, останавливаясь возле крыльца библиотеки и прислоняясь к перилам, — я бы сказал, что не менее опасный, чем Ласло Надашди, а

то и посерьёзнее. Как подсказывает мне моё репортёрское чутьё, за этим господином столько всего, что лучше нам даже близко не знать: целее будем. Ты зуб заметила?

— Ещё бы, — кивнула я, — как-то он не вяжется со всем остальным обликом, не находишь?

— Угу, — кивнул Саймон, — мне всегда казалось, что такие бывают только у гангстеров из Чикаго, знаешь, типа Коломбо Белые Гетры или Джека Даймонда, помнишь? А он вроде совсем другого уровня, но этот зуб... И как ловко он перешёл на тему твоего наследства, а? Вроде как вскользь и ни на что не намекая, но тем не менее.

— Мне тоже этот момент очень не понравился, — согласилась я, — но во всяком случае, теперь у нас нет иллюзий по поводу причин его приезда.

— Знаешь, Мэгги, на всякий случай держись-ка ты от этого мутного типа подальше, — очень серьёзно сказал Саймон, — может, конечно, мы зря гоним волну, и этот МакКиллиан вполне себе добропорядочный гражданин Соединённого Королевства, но лучше подстраховаться, пока мы с Джастином и Алексом не разберёмся.

— Знаешь, — я почувствовала, как к глазам подступили слёзы, — я так счастлива, что вы у меня есть! У меня ведь в последние годы не было никого, кто готов был бы разделить со мной мои проблемы, да и раньше... дядя Кевин заботился обо мне, поддерживал во всех начинаниях, но... мне сложно объяснить... понимаешь, он всё равно всегда был на расстоянии. Я не всем могла с ним поделиться просто потому что иногда он отмахнулся бы и сказал бы, что я забиваю голову всякой ерундой. Нет, я очень любила его, и он меня, но...

— Мэгги, не таракти, — Саймон засмеялся, но совершенно не обидно, а по-дружески, — я прекрасно понял, что ты хочешь сказать, и мне очень приятно это слышать. Я тоже, знаешь ли, раньше на тебя не слишком внимание обращал, потому как ты была, уж прости, ну мышью мышью. Оказалось, я просто невнимательно смотрел, и теперь тоже рад, что мы подружались, мисс Маргарет Стюарт. И не раскисай, справимся и с мистером МакКиллианом. В пятницу возвращается Гилмер, который за тебя любому глотку перегрызёт, в субботу — Джастин, который догрызёт то, что не успеет прикончить Гилмер, так что всё в порядке. Ты, главное, печенек побольше сделай, ладно?

— Ладно, — засмеялась я, сморгнув таки набежавшие слёзы, — будет вам целая гора печенек с шоколадной крошкой.

— Вот! — Саймон довольно погладил себя по животу и облизнулся. — А остальное просто мелочи, Мэгги. Так что иди себе спокойно занимайся книгами и ни о чём не беспокойся. Кстати, а Гилмер в курсе, что ты согласилась стать председателем ярмарочного комитета?

— Ещё бы! — я хихикнула и рассказала Саймону про лавину звонков в лондонский офис жениха.

— Блайзбери — это всегда Блайзбери! — отсмеявшись, подытожил Саймон и, попрощавшись со мной, отправился в редакцию.

Саймон ушёл, насвистывая себе под нос какой-то весёлый мотивчик, а я осталась стоять на крыльце библиотеки. Его слова немного успокоили меня: в самом-то деле, что может сделать один человек, пусть даже такой опасный, как Юджин МакКиллиан, против нас троих? А с Алексом — четверых. Я невольно улыбнулась, представив, как мой сдержанный и элегантный жених будет «грызть глотки» за меня. Почему-то показалось, что мистер Гилмер непременно попросит жертву сначала тщательно протереть шею дезинфицирующими салфетками, чтобы не кусать не пойми что. Тряхнув головой, я отогнала бредовые мысли и решительно повернула в замке ключ: пора было возвращаться к привычной работе, ибо книги не каталогизируют себя самостоятельно. А жаль...

Внутри библиотеки было тихо и пахло старой бумагой и типографской краской новинок из Хоуптона. Я прошла к своему столу, на котором всё ещё лежали журнал учёта и карточка романа Барбары Картланд «Сладостное приключение», отложенного для мисс Патридж.

Я не сразу поняла, что привлекло моё внимание, а когда сообразила, то сделала несколько шагов назад. На гладкой поверхности стола, рядом с карточкой романа миссис Картланд, лежал маленький, сложенный вдвое листок бумаги. А ведь я совершенно точно помнила, что его там не было.

Медленно опустившись на стул, я, как загипнотизированная, смотрела на непонятно откуда взявшуюся записку. В том, что в ней содержится какая-нибудь гадость, я даже не сомневалась: вряд ли это было любовное послание от таинственного поклонника.

Сначала я хотела взять записку и посмотреть, что там, но потом решила, что, пожалуй, позову Саймона. Логичнее всего было бы пригласить Джастина, но он был в Хоуптоне и вернуться планировал только в субботу утром. Алекс был ещё дальше, в Лондоне. Ну вот что за безобразие? То суетятся и постоянно лезут под руку, а как нужны — так ни одного, ни другого нет!

Обогнув стол по максимально широкой дуге, насколько позволяли размеры помещения, я подтянула к себе телефонный аппарат и набрала редакционный номер Саймона, очень надеясь, что он уже добрался до рабочего места, а не завис где-нибудь по пути.

Мне повезло, и трубку сняли после второго гудка.

— Миллз, — представился Саймон, — «Новости Блайзбери».

— Это я, Саймон, — дрогнувшим голосом проговорила я, — ты можешь прийти? Вот прямо сейчас?

— Мэгги? Не сочти меня невежливым, но я вроде как только что ушёл, — задумчиво напомнил мне друг и тут же с энтузиазмом уточнил, — у тебя там что, очередной труп?

— Пока нет, — разочаровала я его, — у меня на столе записка, которой точно не было, когда я уходила. Я не понимаю, откуда она тут взялась, и я... я боюсь её трогать, Саймон. Давай ты придёшь, а?

— А что в записке?

— Откуда я знаю? Я боюсь одна её трогать, так что приходи скорее, ладно?

— Да куда ж я денусь, — проворчал Саймон и отключился, а я осталась ждать помощи, сидя на стуле и аккуратно сложив руки на коленях, как примерная гимназистка.

Глава 6

*«— И тут я стал врать: что и иду-то я за сахаром,
и что послала за ним меня мама.*

И как всегда добавил: «Чес-слово!»

© «Замок лгунов»

Саймон появился через десять минут, запыхавшийся и встрёпанный больше обычного. Не говоря ни слова, он окинул взглядом пустой зал библиотеки, затем посмотрел на меня, всё ещё сидевшую на почтительном расстоянии от злополучной записки.

— Так, — деловито произнёс он, подходя к столу, — абсолютно понятно, что ничего не понятно. Запертая комната, таинственное послание, дрожащий свидетель. Классика жанра.

— Даже спорить с тобой не буду, — кивнула я, заворачиваясь в палантин, висевший на спинке стула, — но мне всё равно очень не по себе. Я уже получала загадочные послания, и мне не понравилось, тем более что мы до сих пор не знаем, кто тогда не то пугал, не то предупреждал меня.

— Ой, брось, я уверен, что это была Лили Флеминг, что бы там кто ни говорил, — отмахнулся Саймон, — кстати, я слышал, что она выходит замуж за какого-то лондонского чиновника и уезжает с ним в Бекенхэм.

— Ну и хорошо, я за неё рада, — почти искренне ответила я, подумав, что уехавшая далеко Лили будет нравиться мне гораздо больше, чем если бы она продолжала жить в Блайз-бери и нервировала бы меня самым фактом своего присутствия. — Но я позвала тебя не для того, чтобы обсудить мисс Флеминг, хотя это тоже интересная тема, не спору.

— Ну и ладно: не хочешь сплетничать, давай посмотрим, что тебя так испугало, — Саймон был раздражающе спокоен и даже жизнерадостен, — ты уверена, что её тут не было? Всё! Всё! Понял! Не надо на меня так кровожадно смотреть, Мэгги! Я уже запомнил: записки тут не было, а когда ты пришла, она появилась.

Саймон осторожно, двумя пальцами, взял листок за самый краешек. Он поднёс его к свету, прищурился, словно пытаюсь найти на бумаге неведомые подсказки, понюхал, чуть ли не на зуб попробовал и только потом развернул.

В библиотеке повисла тишина. Закончив читать, Саймон медленно опустил руку и посмотрел на меня поверх очков.

— Ну говори уже, что там?!

— «Не верь ему, он лжёт», — с чувством продекламировал Саймон и уставился на меня.

— Что ты смотришь? Я знаю столько же, сколько и ты, а может, даже меньше, — сказала я, пытаюсь понять, кто и зачем это написал.

Саймон снова взял записку и перечитал её, шевеля губами.

— «Не верь ему, он лжёт», — повторил он, и его брови сошлись на переносице. — Хм... Давай сначала попробуем понять, кого имеет в виду автор записки.

Саймон уселся верхом на стул, и в его глазах я заметила хорошо знакомый мне огонёк репортёрского азарта.

— Давай попробуем, — охотно согласилась я, — только пробовать будешь ты, у тебя точно лучше получится!

Друг даже не стал возражать и тут же начал перечислять, загибая пальцы.

— Подозреваемый номер один: наш лондонский гость. Он запросто мог солгать про дружбу с твоим дядей, чтобы втереться к тебе в доверие.

— Мог, — кивнула я, — я тоже сразу про него подумала, если честно.

— Подозреваемый номер два: Гилмер, — продолжил Саймон, — мы, конечно, ему верим, но мало ли что он может от нас скрывать, согласись?

— Мне не хочется его подозревать, — нахмурилась я.

— Мне тоже, а что делать? — Саймон пожал плечами. — Он твой жених и вообще вроде как нормальный парень, но что, если эта записка — предупреждение от кого-то, кто знает о нём что-то неприглядное? От кого-то, кто хочет тебя защитить.

— Или навредить, — тихо добавила я, и от этой мысли стало не по себе.

— Верно, — кивнул Саймон. — Или навредить. Но это ещё не всё. Подозреваемый номер три: Джастин. Он, конечно, наш друг и всё такое, но мы-то с тобой знаем, кто он на самом деле. Вдруг у него секретное задание войти в твой ближний круг, а потом выведать все секреты?

— Это вообще звучит... параноидально, — я обхватила себя руками за плечи.

— Расследование всегда начинается с паранойи, — отрезал Саймон. — И не забывай про самый главный вопрос: как эта записка сюда попала? Но тут мы, боюсь, без Джастина не разберёмся, так что его из числа сомнительных персон придётся убрать. Не может же он быть одновременно и следователем, и подозреваемым, правильно? Или может?

— Мне почему-то кажется, что дело в МакКиллиане, — вздохнула я, — недаром же записка появилась именно в тот день, когда он решил со мной познакомиться.

— Я бы тоже поставил на него, — согласился Саймон, — уж больно всё одно к одному складывается. Знаешь, проверю-ка я кое-что по своим каналам остороженько, ненавязчиво. В общем, Мэгги, делай вид, что ничего не произошло, но... будь внимательна и осторожна, хорошо? И давай я к тебе сегодня вечером загляну, проверю замки на окнах и на дверях, просто на всякий случай. Как-то не очень хочется обнаружить у тебя ещё один труп, мне прошлого опыта вполне хватило.

— Не только тебе, знаешь ли, — я поёжилась от не самых приятных воспоминаний, — я до сих пор на ту кладовку без опасения смотреть не могу. Хотя и знаю, что там никого нет, а всё равно...

— Ладно, Мэгги, справимся и с этим, — оптимистично заявил друг и, прихватив с собой злополучную записку, испарился, напомнив, что заглянет вечером и совсем не будет возражать, если к этому времени у меня — совершенно случайно, разумеется — на кухне обнаружится что-нибудь вкусненькое.

Когда я осталась в библиотеке одна, то вдруг поняла, что теперь даже привычный запах книг стал казаться мне тревожным. Я смотрела на запертую дверь и думала о том, что сказал Саймон.

«Подозреваемый номер два: Гилмер».

Слова друга эхом отдавались у меня в голове, но я категорически не желала в это верить. Я вспомнила наш последний разговор с Алексом по телефону, его шутки про звонки от комитетов ярмарки. Он был таким лёгким, таким «своим»...

Нет. Я не могу так. Я не хочу жить в постоянном страхе, гадая, кто из моих близких что-то от меня скрывает.

И вдруг я поняла, что это чувство мне до боли знакомо. Это липкое, холодное ощущение, будто кто-то постоянно смотрит в спину, будто любой дружелюбный жест может скрывать предательство, а в каждом слове надо искать скрытый смысл... Я уже жила так. В той, прошлой жизни, о которой успела почти совсем забыть. Тогда каждый день был похож на прогулку по минному полю. Я не доверяла никому — ни брату, ни его друзьям, ни даже себе, потому что от постоянного напряжения порой начинала сомневаться в собственном рассудке.

Здесь я впервые за долгое время смогла дышать полной грудью, построила свою жизнь заново, на честности и доверии. Я доверилась Саймону и Джастину, Алексу и даже Ласло. И ни разу пока об этом не пожалела.

И вот теперь... теперь это мерзкое чувство снова хочет отравить мне жизнь?! Нет! Я не для того всё это начинала с нуля, чтобы опять жить в страхе.

«Не верь ему, он лжёт»...

Колокольчик над входной дверью тихо звякнул, отвлекая меня от не самых весёлых размышлений. Был уже почти конец рабочего дня, и я, в общем-то, никого не ждала, хотя давно надо было бы привыкнуть к тому, что у меня вечно всё не как у нормальных людей.

На этот раз в библиотеку вошёл пожилой мужчина. Невысокого роста, абсолютно седой, но с удивительно живыми и цепкими карими глазами, которые, казалось, просвечивали насквозь любого собеседника. Короткая стрижка и аккуратно подстриженные усы делали его похожим на отставного военного, но почему-то я сомневалась, что он им являлся. Было в незнакомце что-то такое, что давало понять: если он и бывший военный, то в чине никак не меньше, чем генерал. На нём был дорогой, но слегка помятый твидовый пиджак, из нагрудного кармана которого небрежно свисала золотая цепочка часов. Он двигался медленно, опираясь на трость с серебряным набалдашником, но его осанке мог позавидовать любой здоровый.

— Мисс Стюарт, полагаю? — его голос был мягким, с чуть заметной хрипотцой, но в нём слышались властные нотки. — Мисс Маргарет Стюарт?

— Да, это я, — я встала, решив, что вежливость пока никто не отменял. — Чем могу быть полезна, мистер...

— Генри Трондайк, — он мило улыбнулся, но взгляд его оставался оценивающим и слегка настороженным, — нотариус из Хоуптона. Полагаю, вы слышали обо мне.

— Да, я видела вашу подпись на документах, которые оставил мне дядя, мистер Кевин Стюарт. И слышала о вас от мистера Гилмера, он советовался с вами по поводу договора.

Какое-то время мистер Трондайк молча, ничуть не стесняясь, изучал мою скромную персону, а потом кивнул каким-то своим мыслям.

— Может быть, вы присядете? — я решила, что до последнего буду вести себя так, словно ничего не случилось. — Я так понимаю, что вам не очень удобно стоять.

— Благодарю, мисс Стюарт, — он подошёл к креслу и опустился в него, явно стараясь беречь правую ногу. — Неудачно прокатился верхом и уже третий месяц вынужден чувствовать себя почти инвалидом. Очень неприятное ощущение, впрочем, я, как все люди моего возраста, могу говорить о своих болячках бесконечно. Я же прибыл в Блайзбери не для этого.

— Что-нибудь не так с документами, оставленными дядей Кевином? — спросила я лишь бы что-нибудь сказать, потому что и так было понятно, что с документами всё в порядке, а привело мистера Трондайка сюда из Хоуптона нечто совершенно иное.

— Нет, мисс Стюарт, с ними всё в полном порядке, можете не волноваться. Я пришёл, потому что должен извиниться. Это я оставил ту записку на вашем столе сегодня днём, пока вы обедали с мистером Миллзом.

Такого прямого признания я не ожидала, поэтому даже вид не стала делать, что не удивлена.

— Но зачем?! И как вы вошли? Библиотека же была заперта!

Мистер Трондайк снова усмехнулся и, к моему изумлению, достал из внутреннего кармана пиджака очень знакомый ключ на простом металлическом кольце.

— Ваш дядя Кевин иногда пользовался этим местом не только по прямому, так сказать, назначению, — спокойно пояснил он, вертя ключ в неожиданно тонких и чутких пальцах. — У него здесь был сейф. За панелью вон в той стене, — он кивком указал на стеллаж с энциклопедиями. — Доверял он немногим, но я был одним из них. Иногда он просил меня забрать или положить туда кое-какие документы. У меня остался дубликат ключа. Привычка, знаете ли, это вторая натура.

— Но почему вы сначала оставили записку, а потом пришли лично?

— Хороший вопрос, мисс Стюарт, — во взгляде нотариуса мелькнуло одобрение, — я сначала не хотел афишировать своё участие, но потом подумал, что записка подразумевает слишком много толкований и может вызвать у вас безосновательные подозрения в адрес непричастных.

— Так и получилось, — вздохнув, призналась я, — я про кого только не подумала!

— Я увидел, как этот хлыщ, МакКиллиан, увивается вокруг вас. И решил, что пришло время вмешаться. Видите ли, юная леди, я был другом вашего дяди. Настоящим другом. И я дал ему одно обещание незадолго до его смерти: присматривать за вами, если дело примет дурной оборот.

Нотариус подался вперёд, и его живые глаза стали серьёзными, как никогда.

— Не верьте ни единому слову Юджина МакКиллиана. Он лжёт. Они с Кевином Стюартом никогда не были друзьями, их даже приятелями назвать было бы сложно. Скорее, они были конкурентами. Вы ведь нашли письмо, адресованное лично вам и хранившееся в домашнем сейфе?

— Откуда вы знаете?

— Я вижу кольцо на вашей руке, — улыбнулся он, — оно было там же, где и письмо. Раз кольцо и серьги у вас, значит, вы нашли и послание. Следовательно, я могу говорить достаточно откровенно. Поверьте старику, мисс Стюарт, такие люди, как МакКиллиан, ничего не забывают и не прощают. Он приехал сюда за тем, что всегда считал своим. Будьте осторожны, мисс Стюарт. И никому не доверяйте, особенно тем, кто внезапно станет относиться к вам иначе, нежели раньше.

— Думаете, такие будут? — спросила я, совершенно неожиданно почувствовав к этому пожилому и, несомненно, мудрому человеку, странное доверие.

— Вне всякого сомнения, — кивнул он, — и, прошу вас, мисс Стюарт, постарайтесь свести своё общение с мистером МакКиллианом к минимуму, это будет самое разумное решение.

— А что конкретно ему от меня надо?

— Не могу знать, мисс Стюарт, — пожал плечами нотариус, — у меня есть лишь догадки, но я не стану их озвучивать, дабы не смущать вас и не направить случайно по ложному пути.

— А скажите, мистер Трондайк, — я смутилась, но решительно продолжила, — Алекс Гилмер. Я могу ему доверять?

— Мистер Гилмер — непростой человек, мисс Стюарт, но у него есть его собственный кодекс чести, от которого он ни за что не отступит, — помолчав, проговорил нотариус, — и если он назвал вас своим другом, то можете его не опасаться. Мистер Александр далёк от идеала, но он никогда не был замечен в предательстве тех, кого назвал своими друзьями.

С этими словами мистер Трондайк тяжело поднялся, развернулся и, не сказав больше ни слова, покинул библиотеку так же неспешно, как и вошёл, оставив меня сидеть в оглушительной тишине.

Глава 7

*«— Другие царства живут себе поживают,
а у нас вечно... если не одно, так обязательно другое!»*

© «Иван Царевич и Серый волк-2»

До дома я добралась в абсолютном душевном раздразе, вызванном, с одной стороны, появлением в Блайзбери мистера МакКиллиана, а с другой — разговором с мистером Трондайком. А ведь я так надеялась, что хотя бы какое-то время смогу пожить относительно спокойно. Понятно, что неоднозначное наследство, оставленное мне родителями и дядей Кевином, рано или поздно потребует моего внимания, но сейчас так хотелось просто пожить и ни о чём не беспокоиться! Готовиться к ярмарке, выбирать рецепт тыквенного пирога, решать, в каких ещё конкурсах можно поучаствовать с учётом того, что я согласилась стать председателем организационного комитета...

Чтобы хоть как-то успокоиться, я решила заняться ужином, так как голодный мистер Миллз — это практически стихийное бедствие, а оно мне надо? К тому же, что может быть более успокаивающим и умиротворяющим, чем приготовление простой и сытной еды?

Я достала из холодильника миску с фаршем, который предусмотрительно сделала ещё вчера, добавила в него все необходимые ингредиенты и быстренько налепила десятка две крупных фрикаделек. Поставила на плиту сковородку с толстым дном, мимоходом отстранённо подумав, что если такой посудой огреть злоумышленника по голове, то никакое другое оружие уже не понадобится.

Быстро обжарила мясные шарики, добавила к ним овощей, накрыла крышкой и оставила на минимальном огне. Отварила картошки, сделала пюре и вдруг поняла, что успокоилась: ужин был готов, он был простым, но сытным и домашним. Настроение улучшилось, и, когда пришёл Саймон, я уже была в полном порядке.

— Мэгги, — принявываясь, спросил друг, — а чем это у тебя так вкусно пахнет? Ты что, действительно приготовила ужин?

— Представь себе, я тоже иногда ужинаю, — насмешливо фыркнула я, ставя на стол тарелки и доставая из ящика приборы, — так что я просто сделала побольше, чтобы хватило даже такому проглоту, как ты.

— Я не проглот, — возмутился Саймон, — я просто люблю вкусно поесть, а ты хорошо готовишь. Слушай, если Гилмер окажется дураком и ты передумаешь выходить за него замуж, я готов предложить свою кандидатуру.

— Лучше намекни Салли, что очень высоко ценишь домашнюю еду, — посоветовала я, — и я тебя уверяю, что скоро ты получишь приглашение на ужин.

И пусть кто-нибудь мне скажет, что путь к сердцу мужчины лежит не через желудок! Да, все остальные части мужского организма тоже, несомненно, принимают участие в обсуждении, но желудок главенствует, это я вам совершенно точно могу сказать.

— Саймон, — начала я, когда друг утолил первый голод и уже был способен воспринимать информацию, — сегодня, когда ты ушёл, в библиотеке был ещё один ну очень неожиданный посетитель.

И я рассказала ему всё: о внезапном появлении мистера Трондайка, о его ключе от библиотеки, о «секретном» сейфе дяди Кевина и, естественно, о предупреждении нотариуса насчёт Юджина МакКиллиана.

Саймон слушал молча, иногда кивая каким-то своим мыслям, и даже ни разу меня не перебил, что уже наводило на определённые размышления.

— Ты как-то говорил, что знаешь мистера Трондайка, — напомнила я ему, — помнишь, я у тебя спрашивала? Это же он заверял официальное завещание дяди Кевина. А потом он же участвовал в составлении нашего с Алексом договора по поводу карнавала.

— Конечно, помню, — кивнул друг, — не могу сказать, что я вот прям хорошо его знаю, но в своё время имел возможность познакомиться лично.

— Его, судя по всему, неплохо знают и Алекс, и Джастин, — вспомнила я, — думаю, они не откажутся поделиться с нами информацией, как думаешь? Если уж Алекс называет его «мой юрист», а Джастин зовёт просто Генри... А сейчас, пока их нет, выкладывай всё, что ты о нём знаешь.

— Это было пару лет назад, — начал Саймон, вставая и самостоятельно перекладывая на свою тарелку остаток фрикаделек, — я тогда работал над материалом о теневой стороне строительного бизнеса в нашем графстве. Это было самое настоящее журналистское расследование, между прочим. Мне удалось выяснить, что часть сделок была проведена с нарушениями законодательства, но не напрямую, а очень хитрым образом, так, что сразу и необразишь, что не так. Значительная часть ниточек вела в Хоуптон, в частности, к одному очень известному и уважаемому нотариусу.

— Генри Трондайку...

— Именно. Так-то он ничего и нигде не нарушал, просто на наиболее запутанных документах стояла именно его подпись. Я пытался к нему подобраться: просил дать интервью, пытался изобразить клиента, следил за его конторой... В общем, делал всё, что положено делать настырному репортёру. В итоге он сам меня нашёл. Пригласил на чашку чая и очень вежливо объяснил, что если я не хочу, чтобы моя карьера в «Новостях Блайзбери» бесславно закончилась из-за нелепого несчастного случая на ночной дороге, мне стоит переключиться на светскую хронику и прогноз погоды.

Я ахнула.

— Он тебе угрожал?!

— Ну, это была очень вежливое предупреждение очень воспитанного человека, — хмыкнул Саймон. — Но суть от этого не меняется. Да, он хитрый лис. Он знает все грязные тайны этого графства и умело ими торгует. Он скользкий тип с репутацией человека, который может достать для клиента что угодно: от чистого паспорта до разрешения на строительство в заповедной зоне.

— Звучит не очень обнадеживающе.

— Подожди, — Саймон поднял руку. — Но при всём при этом он по-своему порядочен. У него есть свой кодекс чести, если можно так сказать. Он никогда не подставит клиента, с которым заключил договор, никогда не выдаст секретную информацию и никогда не возьмётся за дело, в результате которого могут пострадать невинные люди, особенно женщины или дети. Генри Трондайк тесно связан с криминалом, но сам никогда ни в чём не был замешан. Как ему удаётся балансировать на грани — не знаю. Могу только искренне восхищаться высочайшим профессионализмом.

Саймон посмотрел мне прямо в глаза.

— Мэгги, если Генри Трондайк пришёл к тебе сам и предупредил об опасности, значит, дело действительно серьёзное. И если он говорит, что МакКиллиану нельзя верить — значит, он знает что-то такое, чего не знаем мы.

— Думаю, будет правильно, если мы ещё раз обсудим всё это вместе с Джастином и Алексом. Что-то подсказывает мне, что это дело мы с тобой вдвоём просто не вывезем.

— Боюсь, что ты права, — согласился друг, — тем более что ждать осталось совсем немного. Гилмер возвращается завтра вечером, а наш друг инспектор — послезавтра утром. Надеюсь, за это время ничего серьёзного не случится, просто не успеет.

Разговор с Саймоном оставил после себя странное послевкусие: смесь облегчения от того, что у нас может появиться ещё один неожиданный союзник, и гнетущей тревоги от осознания, что враг действительно серьёзен.

Решив, что никаких серьёзных шагов мы с Саймоном до разговора с друзьями предпринимать не будем, я с головой ушла в работу в библиотеке, стараясь не вздрагивать от каждого шороха и не искать в каждом посетителе скрытую угрозу. Я заставляла себя верить, что записка была единичным инцидентом, хотя внутренний голос шептал, что это лишь затишье перед бурей. И я оказалась права, хотя предпочла бы ошибиться. Но кто ж меня спрашивает-то?

Вечером пятницы я возвращалась из библиотеки домой, мысленно составляя план дел, касающихся предстоящей ярмарки. Размышляя о том, кто мог бы возглавить жюри спортивных конкурсов, я сошла с тротуара, чтобы перейти Вестминстер-стрит напротив своего дома.

Внезапно из-за угла на бешеной скорости вылетел блестящий чёрный мотоцикл. Я даже не успела вскрикнуть — так быстро всё произошло. Мотоциклист резко затормозил, подняв облако пыли, и сорвал с головы шлем.

— Святые угодники! — воскликнул он с неподдельным испугом. — Мисс! Вы в порядке? Я вас не задел? Я такой идиот! Засмотрелся на дома и совершенно потерял голову!

— О нет, это я... я задумалась и не смотрела по сторонам, — поспешила я успокоить его, хотя руки дрожали, а сердце колотилось где-то в горле. Сразу вспомнился злоедающий автомобиль, который чуть не сбил меня в те кошмарные дни, когда на меня покушался Дик Саммерс.

— Мисс Маргарет, вы в порядке?! — ко мне подбежал Эд, парнишка-курьер, как раз проходивший мимо. — Испугались?!

— Есть немного, — призналась я и наконец-то посмотрела на того, кто чуть не размазал меня по дороге, и повторила его же слова. — Святые угодники...

Передо мной стоял молодой человек такой невозможной красоты, что я несколько раз моргнула: такому парню место исключительно в Лондоне, на подиуме и на обложке глянцевого журнала, но никак не в Блайзбери. Ему было не больше двадцати пяти лет. Идеально подстриженные светлые волосы были слегка растрепаны, а ясные голубые глаза смотрели на меня с искренним раскаянием и лёгким смущением. Он был одет в дорогой кожаный гоночный костюм, который сидел на нём так, словно его шили по фигуре лучшие лондонские портные. Впрочем, очень может быть, что так оно и было.

— Нет-нет, это целиком и полностью моя вина! — он обезоруживающе улыбнулся, и на щеках появились обворожительные ямочки. Улыбка молодого человека была открытой, искренней и совершенно очаровательной. — Я готов искупить свою вину. Кстати, меня зовут Кристофер. Кристофер Эшворт. А вас — Маргарет? Я правильно услышал? Прекрасное имя для прекрасной девушки!

— Очень приятно, Кристофер, — ответила я, всё ещё пытаюсь унять дрожь в коленях. — Уже всё в полном порядке, не стоит за меня волноваться.

— И мне очень приятно, Маргарет, — с удовольствием повторил он, словно пробуя имя на вкус. — Какое чудесное, уютное имя. Оно вам очень идёт.

Он продолжал улыбаться, и любой другой на моём месте уже растаял бы от этого сияющего взгляда и очаровательных ямочек на щеках. Судя по всему, именно на такой эффект молодой человек и рассчитывал.

Я же стояла, смотрела на это воплощение мужской красоты и чувствовала, как внутри нарастает необъяснимая, иррациональная неприязнь. Слишком он был... правильный. И слишком вовремя появился.

— Вы проездом в Блайзбери, мистер Эшворт? — вежливо спросила я, так как воспитанная барышня именно так и сделала бы.

— Да, я направляюсь из Хоуптона в Гейтсхед, — с удовольствием поддержал беседу молодой человек, — и, прошу вас, зовите меня просто Кристофер.

«Засмотрелся на дома», — сказал он. Я бросила быстрый взгляд на его мотоцикл. На отполированном до зеркального блеска бензобаке «Нортон» не было ни пылинки. Ни единого пятнышка грязи от езды по просёлочным дорогам. Я тут же вспомнила Джастина с его кабриолетом и с трудом удержалась от насмешливой улыбки.

Значит, этот идеальный мистер Само Совершенство врёт, причём нагло и абсолютно не стесняясь. Неужели он полагает, что его ослепительная внешность действительно лишает окружающих способности логически мыслить? И эта безупречная, отрепетированная улыбка... Она была красивой, но какой-то пластиковой, как у манекена в витрине дорогого магазина.

— Что ж, мистер Эшворт, — я мило улыбнулась мотоциклисту. — Желаю вам хорошей дороги, но будьте внимательнее к пешеходам. Всего доброго.

Я кивнула и сделала пару шагов в сторону своего дома, давая понять, что разговор окончен.

— Уже убегаете? — в его голосе прозвучало лёгкое удивление, смешанное с разочарованием избалованного ребёнка, у которого отняли игрушку.

— Мне пора, мистер Эшворт, — сдержанно, но с прохладцей ответила я, — у меня много домашних дел, так как сегодня из Лондона возвращается мой жених.

— Маргарет, постойте! — он сделал шаг ко мне, и я инстинктивно отступила назад. Это не укрылось от его внимания, и его идеальная улыбка на мгновение поблекла. — Я же сказал, что хочу искупить свою вину. Позвольте хотя бы угостить вас чаем? Поверьте, я не кусаюсь!

Его последняя фраза была сказана с лёгким смешком, призванным снять напряжение, но она лишь усилила мою тревогу. Он был слишком настойчив, не сказать — навязчив. К тому же появился очень вовремя, тогда, когда моя жизнь снова начала превращаться в шпионский детектив.

— Простите, мистер Эшворт, но я вынуждена отказаться. У меня действительно много дел.

Не дожидаясь его ответа, я развернулась и быстро пошла прочь по улице. Я почти физически чувствовала спиной его взгляд и каждую секунду ожидала услышать звук мотора. Но улица оставалась тихой.

Зайдя в дом и покрепче заперев дверь, я прижалась спиной к холодной каменной стене и перевела дух.

Глава 8

« — Не ходи туда, там тебя ждут неприятности.

— Ну как же туда не ходить? Они же ждут!»

© «Котёнок по имени Гав»

Я сидела на старой деревянной скамейке в палисаднике, кутаясь в пушистую тёплую шаль, так как вечер выдался достаточно прохладным. Сумерки сгущались над Блайзбери, окрашивая небо в глубокие лиловые и фиолетовые тона. Я смотрела на то, как бдительная миссис Пауэр несколько раз отодвинула штору, чтобы убедиться: я никуда не делась, так что узнать, кого я жду, она наверняка сможет. Несколько человек, прошедших по своим делам мимо меня по Вестминстер-стрит, раскланились со мной, а владелец небольшой цветочной лавки, мистер Нортон, остановился и уточнил, правда ли, что я согласилась возглавить организационный комитет ярмарки. Получив ответ, он довольно улыбнулся и спросил, когда и куда можно подавать заявки на участие в конкурсе осенних букетов. Я пообещала выяснить всё в ближайшее время и вывесить объявление на специальном стенде, который мы уже решили установить на центральной площади.

А потом я услышала его. Низкий, уверенный гул мотора, который я, как мне теперь казалось, узнала бы из тысячи, хотя вроде бы все они, по идее, звучат одинаково. И действительно, из-за поворота показался сверкающий лаком и хромом автомобиль Алекса Гилмера.

В этот момент что-то внутри меня щёлкнуло и встало на место. Я смотрела, как он аккуратно паркуется у обочины, как глушит двигатель, как открывает дверь и выходит из машины. И в эту самую секунду я поняла нечто совершенно ясное и окончательное: я хочу этого. Хочу ждать его из таких поездок, встречать вечером у дома. И впервые мысль о замужестве не вызвала у меня никакого внутреннего протеста.

Тут Алекс увидел меня, и его лицо осветилось такой искренней, тёплой улыбкой, что все мои тревоги на мгновение отступили. Мистер Гилмер быстрым шагом пересёк улицу, и я поднялась ему навстречу. Он не стал ничего говорить, просто крепко обнял меня, и я уткнулась носом в его пальто, вдыхая уже знакомый, успокаивающий запах — смесь дорогого парфюма, кожи и необъяснимого, едва уловимого аромата лондонского воздуха.

— Мэгги, — прошептал он мне в волосы, и в этом одном слове было столько нежности, что у меня перехватило дыхание.

Он отстранился, но не выпустил меня из рук, обнимая за плечи и глядя прямо в глаза. В его взгляде я читала не просто радость от встречи, а облегчение и глубокую, почти собственническую нежность.

— Подожди минутку, — сказал он, наконец-то выпуская меня из объятий, и чуть ли не бегом направился к машине, чтобы через минуту вернуться с огромным букетом чайных роз. В другой руке он держал небольшую, но явно тяжёлую коробку. По бирюзовой упаковке с золотой лентой я опознала одну из лучших лондонских кондитерских.

— И это тоже тебе. Из «Фортнум & Мейсон». Я подумал, что после всех этих блайзберских сплетен тебе не помешает что-то по-настоящему изысканное.

Я взяла и цветы, и коробку со сладостями из знаменитой лондонской кондитерской, чувствуя, как к горлу подступает ком. Это было так... по-настоящему, так по-домашнему. В этом жесте не было ни капли показной щедрости или попытки произвести впечатление. Это была простая забота мужчины, который знает вкусы своей женщины и хочет её порадовать.

— Алекс... — только и смогла выдохнуть я, чувствуя такую благодарность, что все слова показались пустыми и ненужными.

— Пойдём домой? — он легко коснулся поцелуем моего виска. — Я чертовски устал с дороги, но теперь, когда я тебя вижу, чувствую, что готов свернуть горы.

— Горы, наверное, всё же не нужно, — засмеялась я, — а вот поговорить с тобой я очень хотела бы.

— Звучит почти угрожающе, — хмыкнул мой загадочный жених, — но я готов даже к этому, веришь?

За ужином я рассказывала ему обо всём: о том, как согласилась возглавить комитет ярмарки, о том, какие грандиозные планы у мистера Колгрива по поводу городского оркестра, о доске с объявлениями, о том, что пришли последние заказанные книги. Алекс слушал, иногда задавал вопросы, и я понимала, что ему действительно всё это интересно.

Ну а потом я начала рассказывать о менее приятных вещах. Новость о визите мистера МакКиллиана, как ни странно, не произвела на Алекса особого впечатления. Я хотела было удивиться, но он сам прояснил ситуацию:

— Видишь ли, Мэгги, я никогда лично не встречался с этим человеком, только слышал о нём, причём сведения, которыми я располагаю, являются порой абсолютно противоречивыми. Мне нужно немного времени, чтобы навести справки по своим каналам, в том числе поговорить с известным тебе мистером Надашди. Но даже тех данных, которые у меня есть сейчас, вполне достаточно, чтобы порекомендовать тебе держаться от этого человека подальше.

— То же самое мне посоветовал мистер Трондайк, — сказала я, и вот тут Алекс настоящему удивился, а когда я в подробностях поведала ему историю с запиской и последующим визитом нотариуса в библиотеку, стал очень серьёзным.

— Интересно, что заставило старого лиса Генри выбраться из норы и приехать в Блайзбери?

— Вот не могу тебе ничего по этому поводу сказать, — я пожала плечами, — со мной мистер Трондайк не откровенничал, знаешь ли.

— Ладно, разберёмся, — Алекс ободряюще мне улыбнулся, — когда, говоришь, возвращается наш инспектор Холмс?

— Завтра утром, а вечером мы все отмечаем это дело у меня, — просветила я жениха насчёт ближайших планов, — с вас вино, картошка и рыба, с меня — печенье с шоколадной крошкой. Во всяком случае, с Саймоном мы договорились именно так.

— Прекрасный план, я считаю, — одобрил Алекс, — вот заодно всё и обсудим. Потому как эта парочка непременно захочет впутаться в надвигающиеся события, так что лучше сразу их взять в компанию.

— Саймон сказал про вас с Джастином примерно то же самое, — хихикнула я, — так что так тому и быть, видимо. Но, знаешь, я так рада, что вы у меня есть!

И, помолчав, добавила:

— И что ты у меня есть...

— Я взял билеты на ночной поезд до Лондона, — шепнул Алекс, — так что у тебя есть целая суббота, чтобы купить всё необходимое. И у нас будет половина воскресенья и целый понедельник, чтобы насладиться осенним Лондоном. Мои партнёры просто жаждут услышать рассказ о литературном карнавале из первых уст, а я предвкушаю твой триумф!

— Может, всё-таки не стоит?

— Это не обсуждается, Мэгги, — нарочито строго проговорил мистер Гилмер, — ты мне пообещала, я уже предупредил экономку, чтобы она подготовила гостевую спальню. Я ведь обещал, что буду вести себя просто безупречно!

Тут он подмигнул мне, и я почувствовала, что отчаянно краснею, хотя, в отличие от скромницы Мэгги, совершенно спокойно отнеслась бы к ночёвке в одной постели. Но нельзя: репутация — это наше всё.

Наконец Алекс поднялся с дивана.

— Уже поздно, — с откровенным сожалением сказал он, взглянув на часы. — Мне пора ехать к себе. Нужно разобрать вещи, принять душ... И завтра утром у меня назначена пара

рабочих телефонных разговоров. Так что я, наверное, появлюсь уже к вечеру. Если, конечно, тебе не нужна моя помощь в походе по магазинам.

— Я договорилась с миссис Лавенли, — улыбнулась я, чувствуя некоторое разочарование из-за его ухода, — мы подберём подходящий гардероб.

— Миссис Лавенли? Тогда я абсолютно спокоен, у этой женщины идеальное чувство стиля. Ну что же, до завтра, Мэгги... Знаешь, я бы с огромным удовольствием плюнул на все приличия и остался здесь, с тобой. Но я всё понимаю и готов мужественно потерпеть ещё какое-то время. Но очень рассчитываю на то, что ты не заставишь меня мучиться до самой свадьбы, ты же не настолько безжалостна, правда?

— Посмотрим, — засмеялась я, снова покраснев, — но ничего не могу обещать. А сейчас тебе действительно пора, Алекс.

На прощание он меня поцеловал — долго и нежно, заставив забыть обо всех тревогах, — и уехал. А я осталась стоять у окна, провожая взглядом красные огоньки его машины, пока они не скрылись за поворотом.

Утро субботы выдалось солнечным, но прохладным. У меня был длинный список дел: нужно было купить некоторые ингредиенты для теста, забрать заказанные ленты для призов на ярмарку и выбрать одежду для поездки из готовых вещей в ателье миссис Аннелии.

Когда я села отдохнуть в своём любимом кафе на площади, то неожиданно заметила, что окна офиса мистера Гилмера в здании городской администрации приоткрыты. Обрадовавшись, что могу отдать Алексу часть покупок и не тащить их домой, я договорилась с работавшей сегодня Джулией, что оставляю часть пакетов у неё за стойкой и заберу их чуть позже. Сама же, прихватив два больших пакета с одеждой, направилась к Алексу в офис.

Поднявшись по широкой лестнице и никого не встретив, я осторожно открыла дверь на второй этаж. Коридор был пуст: жители Блайзбери, как любые нормальные люди, не стремились работать по выходным. Особенно те, кто трудился в городской администрации и других солидных структурах. Это на третьем этаже, где располагалась редакция «Новостей Блайзбери», наверняка можно было встретить того же Саймона, а здесь, на втором, располагались исключительно серьёзные организации, которым не по статусу заниматься делами в субботу.

Офис «Торгового дома «Маунтин» находился справа от входа, и сейчас дверь в него была приоткрыта. Я совсем было собралась окликнуть Алекса, но вдруг услышала голоса: мистер Гилмер с кем-то беседовал.

— ...и ты считаешь, что появление Юджина МакКиллиана — это простое совпадение? Спусти столько лет? Не будь наивным, Генри, — голос мистера Гилмера звучал устало, но настойчиво. — Ты прекрасно понимаешь, что он появился не просто так.

— Я не наивен, Александр, — спокойно отозвался мистер Трондайк, голос которого я узнала бы, даже если бы Алекс не назвал имя. — Я должен был убедиться, что девочка правильно понимает ситуацию, что она не напугана и способна здраво рассуждать. Но, как говорится, кровь не вода, так что малышка показалась мне достаточно разумной и не склонной к истерикам.

— Это так, — в голосе Алекса послышалась гордость, — она такая... удивительная.

— Ты на самом деле увлёкся девочкой?

— Да, Генри, в данном случае я не играю и не стараюсь никого обмануть. Мэгги дорога мне, и я сделаю всё, чтобы защитить её. И дело не в её наследстве, как ты мог бы подумать, хотя, конечно, это немаловажный момент. Но даже если бы она была бедна, как церковная мышь, я относился бы к ней точно так же. Эта невероятная смесь храбрости, ума, самоиронии, твёрдости и удивительной теплоты... Я никогда раньше не встречал никого даже близко похожего на неё. И я буду идиотом, если упущу такую девушку, Генри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.